

СЕРЕБРЯНАЯ ПОДКОВА

Шли по дороге двое: Солдат да конь.

Первый с ранцем за спиной, серебряным рублём в кармане.

Второй — буланой масти, хромает малость.

Куда, зачем шли — не знаю. Знаю, что конь по дороге подкову потерял.

Вот Солдат и ведёт его.

Идут они на весёлый звон: кто-то молотом по наковальне стучит.

Свернули с дороги в лес: звуки будто оттуда раздаются.

Поднял бравый вояка ветки, видит: поляна, телега. Косматый мужик (цыган, должно) по походной наковаленке стучит. Вот только огня, воды, заготовки какой — ничего. Чудно. Но, раз мастер да наковальня есть, стало быть, помочь беде можно.

— Здравия желаю, — поздоровался служивый.

— Будь и ты здоров, — глянув из-под кустистых бровей, отвечает Кузнец.

Сам лицом страшен, смугл, гриваст, блестящие глаза искры мечут.

— Конь, что ль, расковался? Поможем. Чем платить будешь? Не рублём ли, что в кармане у тебя лежит?

"Ишь ты, — дивится Солдат, — откуда про серебряник-то мой узнал?" А вслух отвечает:

— За хорошую работу денег не жалко. Только как же, мил человек, подкову-то изобразишь: ни огня у тебя, ни куска железа? — и монету протягивает.

— Да хоть из твоего серебра, — посмеивается мужик. Пожал воин плечами, прилёг в сторонке, смотреть стал.

Кузнец подбросил рубль на ладони, положил на наковальню. Раз опустил молот, два — и поплыл крутом чудесный перезвон...

Хочется служивому рассмотреть, что к чему, — никак: тело будто к земле приросло, голова отяжелела. В глазах — туман не туман: видно, да не всё.

Мастер знай себе стучит. Движения у него ловкие, точные. В глазах задор искрится, лицо неведомым огнём озаряется, — куда как хорош! Видать, искусная работа красит человека...

Через время чувствует Солдат, кто-то его за плечо трясёт:

— Проснись, приятель. Готово. Пора. До развилки вместе поедем. Очнулся он, видит: наковаленка в телеге, Кузнецова лошадка впряжена.

Ехали рядом, говорили о малом. Понравились друг другу. Солдат — за прямодушие, за то, что серебряного рубля не пожалел. Кузнец — за красивую работу.

У развилки мастер говорит:

— Доброго пути, слуга отечества. Звать меня Ермилой. Подкову я сделал не простую. Вложил в неё великое умение и частицу души. Будет она беречь тебя в бою и на привале, в веселье и печали. Дороги у служивых людей такие же длинные да трудные, как у кочевых. Может, свидимся где.

— Спасибо, Ермила, за добрые слова. Сердцу они дороже денег. Век тебя не забуду. Прощай.

С тем и разошлись.

Служил Солдат ещё долго, и служба была ему по плечу. Не брали ни штык, ни пуля. Хранила коня чудесная подкова, а его самого — невидимая Ермилина забота.

Постепенно в ратных трудах забылся чудесный Кузнец.

Однажды пришлось служивому с товарищами в бою крепко постараться. Долго гнал он врагов, а когда возвращался, позвал его с дороги раненый однополчанин:

— Отвези, брат, жене моей и детям... Мне уж не увидеть их... — назвал село, вложил ему в руки мешочек и умер.

Схоронил воин друга. Помолчал скорбно. Заглянул в мешочек и горько усмехнулся: человек жизнью рисковал, а про детишек помнил. Вон сколько монет накопил. Вздохнул Солдат и убрал их в карман.

Не скоро ему выпало отправиться в то село. Встретила его Женщина. Ни молодая, ни старая: сколько лет — не поймёшь. Трое детишек с ней. Поклонилась, выслушала молча. Только когда выгреб он из кармана ей в передник монеты, задрожали у неё губы, глаза сделались жалостные. Видать, несладко житьишко, а без мужа будет и хуже...

Обратный путь долгий: едет Солдат да едет. Полез в карман за табачком, а вытащил — Бог ты мой! — рубль серебряный. Из сиротского мешочка выпал. Вернуть ли? Далеко уже, да и не обидел он вдову деньгами, а самому серебряный рубль — целое богатство: не часто в кармане водится.

Подержал служивый монету в руке и сунул обратно в карман. Тут же конь споткнулся и захромал. Что за беда? Неужто подкову потерял? Эх, невезение: до лагеря далеко, темнеет, впереди — дремучий лес. Делать нечего, надо топтать.

В лесу напали на Солдата разбойники. Неробким он был, да где ж с пятьюдесятью дюжими мужиками справиться! Навалились, связали, в чащу затащили. Коня, сапоги, ранец, рубль вдовый — всё отняли и самого побили так, что едва жив остался.

Долго лежал он под сосной. С великим трудом встал и побрёл дорогу искать. Связанные руки затекли, ссадины на ногах горели, кости ныли.

Немного так-то прошёл, на поляну попал. Огляделся: небо чистое, солнышко светит, птицы щебечут. И заплакал старый вояка: экая подлость! Он привык встречать врага лицом к лицу, никогда не бил, коли правым не был, а эти — пятьдесят против одного! Э-эх, люди...

Вдруг показалось ему, место знакомое. "Когда ж я бывал тут?" — думает. Напряг память: "Ну как же! Здесь мы с Кузнецом повстречались! Эх, Ермила! Где ты теперь, человек хороший?"

Всё вмиг Солдату понятно стало.

Столько лет берегла его подкова, серебряная или простая — кто теперь скажет? Для него она оказалась дороже золотой и прочнее железной, ведь вложил Кузнец в неё мастерство, душу, заботу, красоту и веру в солдатскую честь.

А служивый покривил душой за рублик серебряный. Не понял, значит, что доброе имя человеку — самое большое богатство, самая надёжная защита. Не оправдал Ермилину дружбу. Потому нынче и подкова потерялась, и беда приключилась.

Прошло время. Как оправился от беды Солдат, где бы ни бывал, всюду спрашивал о чудесном Кузнецке. Но никто нигде и никогда не смог ему ответить.

ВОЛШЕБНЫЕ УЗОРЫ

Когда-то в наших краях девушка жила. Олюшка.

Олюшками да Марьюшками у нас обыкновенных-то людей не звали. Вот и эта девушка в людях считалась не то что блаженная, а не в себе. Жизнь у неё трудно началась: рано сиротствовать пришлось, в нищете мыкаться. Мать, пока жива была, прясть, ткать да вышивать дочку научила. Померла — с тем и оставила. Ремеслом девочка от нужды спасалась. Поначалу не шибко хорошо выходило, но деревенские её жалели, заказы кое-на что делали.

Безотказная сиротка за всё бралась, но сама ничего не просила. Молчаливая — слова не вытащишь. Оттого и считали её особенной. В глаза не смеялись, Боже упаси, а уважать скоро стали. Зайди к ней в любое время — сидит за работой. Допоздна окошки светились.

Олюшка из дому редко выходила, а тут пропала. Ненадолго, правда, но то и удивительно. Вышло так...

Ткала она ночью соседке узорные рушнички. Глядит на свою работу и думает: "Ниточка к ниточке, за серой — красная, узор ткётся, тянется полотно. Так и жизнь... А какого цвета нитка моей судьбы? Что за узор из неё день за днём свивается? Посмотреть бы".

Девушка думает да работает, а в окошко полная луна светит. От света пегая пыль на дороге серебрится. И этот сверкающий путь до горизонта стелется, в луну упирается. Так на улице светло и спокойно, что захотелось Олюшке прогуляться.

Пошла. В том месте, где земля с небом встречаются, невысоко на сизом облачке женщина сидит, пряжу прядёт. Нить из её руки не на веретёнце мотается — на тысячу концов через облачную вату расходится, а дальше — не видно. Мастерница смотрит на девушку, работы не прерывает, говорит:

— Здравствуй, доченька.

— Здравствуйте, добрая женщина, — отвечает сиротка. — Не ошиблись ли вы? Родная-то моя матушка померла. Три года уж сравнялось.

— Знаю, милая. Все люди на земле отчасти мои дети. Я — Пряха Судьбы. Пряду нити судеб всех людей на белом свете. Я подбираю для них цвета и узоры на Вечном Полотне Жизни.

— И мою прядёшь?

— Пряду, пока ты живёшь.

— Можно мне твоё Вечное Полотно Жизни хоть одним глазком увидеть?

— Что же, можно, — женщина руку девушке протянула. Та и взошла на облако.

Стали они подниматься над землёй. Реки, холмы, деревня вниз унеслись, дымкой затянулись — не разглядишь.

— Где же полотно-то? — не терпится Олюшке.

— Да вот оно, — говорит Пряха.

Приспустились: пелена небесной влаги разнялась, а на земле-то не леса с холмами, а узорная ткань выстлана. Такая красивая, что дух заходится. Любуется девушка, руками всплескивает, ахает.

— Нравится? — спрашивает повелительница судеб.

— Ух, как нравится, тётенька! Ну и мастерница же вы! Подлетели ближе: узоры отчётливей стали, полотно ещё красивее смотрится. Олюшка глаз отвести не может.

— Гляди хорошенько, — приговаривает Пряха. — Запоминай. Видишь в уголке цветок с жёлтым глазком? В прошлом году в реке мальчишечка славный утонул. Нитка его короткая, яркая, на глазок цветка пошла. Человека нет, а судьба моё полотно украсила... В центре завиток красный вроде перышка

разглядела?

Девушка глазами искала, нашла.

— Это судьба матушки твоей. Хороша ли? Подняла бедняжка полные слёз глаза, не ответила.

— Расстроила я тебя... Давай возвращаться. Поднялись они опять до туманной высоты, Пряха говорит:

— Не ругай меня, Олюшка. Много в моей власти, да не всему я госпожа: делаю что велено, а не что вздумается. Твою ниточку не покажу: узор не закончен, но то, что видела, тебе хорошую службу сослужит.

Стали возвращаться, внизу снова открылись лес и речка с деревней.

Сошла сиротка, поблагодарила за раскрытую тайну, споткнулась и проснулась! Видит: сидит она у станочка. На дворе утро. Соседки в окна тревожно стучат. Хотели спросить, чего не открывала, да раздумали: не скажет.

С той поры люди заметили, что узоры у девушки шибко хороши выходят. Хоть коврик возьми, хоть рушничок. Бывало, такое соткёт или вышьет — глаз не отвести. Мастерницей звать стали. Слава о ней и по нашему краю, и по соседним много лет жар-птицей летала. Всю долгую жизнь изделия её выходили одно другого краше, затейливей и никогда не повторялись...

Теперь-то секреты искусного прядения и ткачества в наших краях утрачены. Как это вышло — кого спросишь? Почему у мастерицы учениц не было — поди дознайся. Такая, видно, была искусница, что равных за сотни лет не отыскалось.

Всем сердцем верю, что судьба нашей Олюшки на Великом Полотне Жизни яркой ниточкой в самый красивый узор легла.

БЕРЁЗОВАЯ ЧУРОЧКА

Весной в парке проводили обрезку деревьев. Большие ветки распилили, поменьше — порубили, поломали, на трактор сложили и увезли за город. Осталась лежать на прежнем месте одна берёзовая чурочка. Долго лежала, надоело ей бока пролёживать. Стала всем под ноги попадаться, чтобы заметили и к делу прибрали. Шли ребята из школы. Увидели её, попинали и бросили. Прилетела ворона веток на гнездо посмотреть. Вокруг чурочки обошла, а не взяла.

— Почему меня не берёшь? Я хорошая.

— На что ты мне? — отвечает ворона. — Мне тонкие нужны, гибкие, а ты — толстая, тяжёлая.

Ворона улетела. Пришёл ёж.

— Ежик, забери меня, — просит деревяшка.

— Я спал всю зиму, только проснулся, — отвечает ей ёж. — Ищу чего-нибудь пожевать. А ты — несъедобная.

— Тогда подкати меня к тому пню. Еж подкатил.

— Пень, миленький, возьми меня к себе. Я прирасту, деревом с тобой будем.

— Нет, ты не вырастешь, а возле меня уж детки поднялись, вот-вот листочками покроются. Чего мне ещё желать?

Так чурочка никому и не пригодилась. Обозлилась и решила мешать каждому, кто вблизи окажется.

Пришла в парк девочка со скакалкой. Прыгала, прыгала, на чурочку

наступила.

— Ой! — вскрикнула малышка. — Я ногу подвернула! Ах ты, деревяшка проклятая!

Прохожий парнишка хромоножку домой повёл, а обидчица радуется: заметили её.

Другой раз она велосипедистам под колёса бросилась. Велосипедисты попадали, чуть руки-ноги не переломали. А один хулиган её поднял, в птиц запустил.

Стали жители парка — птицы да белки с ежами — сторониться чурочки.

Пытались совестить. А ей только того и надо: какая разница, что говорят, главное, внимание обращают!

Однажды брёл по парку задумчивый школьник. Прошлогодние листья ворошил, вороньи гнёзда рассматривал, за белками наблюдал. Увидел чурочку, взял в руки. Глядит на неё, соображает. Долго так размышлял, потом унёс с собой. Парковые птицы да звери стали гадать, куда это он пошёл. Вороны голубям говорят:

— Слетайте за ним, посмотрите. Нам потом расскажете.

Голуби полетели. Видят, заходит тот мальчик в большое здание. Другие ребята тоже сюда идут. Не с пустыми руками. Кто свёртки какие-то несёт, кто фанеру или увесистую сумку. Те голуби, которые тут под крышей жили, парковым рассказали, что это дом детского творчества.

— А куда ж дети с деревяшками заходят? — спрашивают парковые голуби у местных. — Где их окна?

Местные, творческие, показали. Самим тоже интересно, зачем тем окна модельного кружка понадобились. Расселись по подоконникам, смотрят. Вот знакомый парнишка положил чурочку на стол, склонился, думает.

— Так он дотемна думать станет, а нам домой надо, — заволновались парковые птицы.

— Ничего, летите, а мы посмотрим, — успокоили их творческие. — Завтра вам всё расскажем.

Но ни завтра, ни через неделю не рассказали, потому что не понимали, зачем мальчик сушил берёзовую деревяшку, распиливал, строгал. Но однажды творческие голуби в парк явились:

— Скорее, скорее, полетели к нам!

Все, кто мог, кинулись с ними. Даже осторожные вороны с галками, синицы, бакланы с речки. Разместились по окнам, смотрят. Пришёл школьник, достал из стола вовсе не чурочку, а то, что из неё получилось: чудесный парусник! Настоящий, только маленький! Это птицам бакланы объяснили. Учитель поднял его, чтобы другие дети увидели, и похлопал задумчивого ученика по плечу. Никто, конечно, не разглядел, как гордилась берёзовая чурочка, правда, на прежнюю себя уже не похожая.

Парковые птицы полетели обратно, чтобы рассказать белкам и ежам о её чудесном превращении.

Скоро в зале первого этажа дома творчества открылась выставка работ юных мастеров. На почётном месте красовался великолепный кораблик.

Ранним весенним утром, когда город только собирался проснуться и зал был закрыт, на подоконниках тесно сидели птицы, белки, мыши — словом, все, кому забраться сюда было под силу. Животные разглядывали детские работы, угадывая знакомые предметы: кусочки дерева, сухие травы, листья и камни. Но главное, ради чего они пришли, был парусник из берёзовой чурочки, которая

прежде не нужна была ни одной живой душе.

КАК КОТ МЫШЕЙ ВОРОВСТВУ ОБУЧАЛ

Было это так давно, что люди не помнят, а животные не расскажут. Мыши тогда первыми тружениками считались. В полях жили, всякую маломальскую снедь в норки тащили, запасали на долгие зимы.

Зимы были не такие, как сейчас, и люди тоже. Знали цену труду, лишнее мусором не считали. Да и не было лишнего-то. А чтоб красть друг у друга — того не помышляли.

При людях, на подворье, всегда животные жили. Коровы, лошади, овцы, куры, свиньи. Ну и кот, конечно, куда ж без него. При доме, при печи хозяйской. Что уж там люди про него думали — не знаю, а он-то сам себя господином в избе чувствовал. Ходил вразвалочку, неспешно умывался лапкой, протяжно мурлыкал. Хозяйские дети его беспременно в свою компанию брали; он их сызмальства нянчил. За то и кормили. И неплохо, доложу я вам, кормили.

Только скучно коту жить стало. Решил он, что его работа по дому большей благодарности стоит. Стал потихоньку у людей еду таскать. И так в этом деле наловчился, что шибко захорошел: пухлый, рыжий, словно пирожок из печки. А уж артист, каких поискать.

Смотрят, бывало, на него с подозрением, а он бесхитростные глаза к небу поднимет, щёки-брылья долу отвесит и вздохнёт, — куда там иному лицедею.

Стало людям ясно: он это. Некому больше. И давно бы ему знатную трёпку устроили, но на месте за злым деянием захватить никак не могли.

Время шло. Хозяйские дети подросли, у хвостатого няньки работы совсем не стало. Жизнь ещё скучнее сделалась. Начал он в дальние неспешные прогулки каждый день отправляться.

Увидел однажды в поле мышей. Остановился поглядеть на их житьё. Потом говорит:

— Здорово, каторжники!

— Почему "каторжники"? — возмутились мыши. — Мы на себя работаем. Трудно летом — сытно зимой, знаешь?

— Кто ж спорит, — говорит кот. — Да только жизнь ваша беспросветная. Вы хоть останавливаетесь иногда? Хоть в глаза друг другу глянуть или на небо...

— Чего мы на небе-то не видали? Чай, зёрен там не насыпано. А в глаза нам смотреть нечего: мы все одинаковые, черноглазые.

— Жаль мне вас: лучшей жизни не видели.

— Да нетто есть она, лучше нашей-то?

— У меня, например. Воруя, — с гордостью сообщил им кот.

— Воруешь? Как?

— Беру, что плохо лежит, и в пищу употребляю.

— Да мы этак всю жизнь делаем, — облегчённо вздохнули трудяги. — Берём, что плохо в поле, в лесочке лежит, и в нору тянем.

— Стало быть, вам не привыкать, — ухмыляется хитрюга. — Пошли со мной в деревню, кто смелый.

А кто смелый? У мышей в то время человек во врагах не числился, вот и пошли некоторые с котом.

Привёл он их к себе в дом. Гости с непривычки в кучку под печью сбились, озираются. А кот на лавку прыгнул, с неё — на стол, опрокинул кринку сметаны, слизывает. Удадь, значит, показывает.

Ну что ещё? Миску с сухим горохом опрокинул. Потом шматок сала на пол со стола слягнул — кушайте, мол, серость хвостатая.

Друзья подбирают, уже в азарт вошли, когда люди вернулись. Кота-то хозяин сразу в оборот взял: за загривок держит, мягкое место здоровенной огрубелой ладонью охаживает. После уж на улицу выставил.

Серая братия в испуге под стеной, где дырочка в подпол была, стаскалась. Как только усатый пакостник орать начал, они со страху вниз просыпались, мешочек с горохом да салом отнюдь не забыли. Посидели так-то, ни живы ни мёртвы, огляделись. А что? Место хоть прохладное, но зимой не замёрзнешь. Картошки, моркови, свёклы вволю. Чего не поселиться? Другой раз можно в избу слазить. Так и остались.

С тех пор повадились мыши в домах селиться. Воровством промышлять. Поднаторели в этом — людям житья не стало.

Рыжий-то прохвост через время опять к хозяевам в фавор попал, в избу вхож стал. Как узнал, что, пока в изгнании был, приятели его воровскую науку уразумели и нехудо зажили, обиделся и не упустил уже случая погонять их.

С того времени повелась вековечная война кошек-мышек. К слову сказать, украсть у хозяев чего съестного коты тоже не откажутся, только куда им до мышей.

ВОЛК И ЛЕВ

Жили, каждый по-своему, волк на неоглядном раздолье тундры и тайги и лев в Африке, среди баобабов и высоких трав. Обоим жилось трудно. Лютый холод и жестокая засуха, метели и суховеи учили их выносливости и уму.

Но однажды явились люди на грузовиках с ружьями, клетками и снотворным ловить животных для зоопарка. Поймали в лесах и полях много кого, в том числе волка и льва.

На воле они не знали друг о друге, а в неволе оказались в соседних клетках. Вначале пленники ходили из угла в угол, нервничали. Потом обвыклись: мясо дают, на охоту ходить не надо, свободного времени много. Познакомились. То, что тот и другой — хищники, они почуяли сразу. Об этом и говорить не надо. А вот кто как охотится, послушать всегда интересно.

Волк поведал, как чует добычу издалека, долго преследует, в какой момент бросается.

— Тут нюх и выносливость — первое дело, — говорит. — Добыча слабеет, и она — твоя.

— Ха! Выносливость, — отвечает лев (только это "ха" на рык больше похоже). — Сила и внезапность — вот что главное в охоте!

И рассказывает, что сидит в засаде, потом стремительно бросается, на малом расстоянии догоняет зебру и валит с ног.

— Стремительный бросок, — передразнивает волк. — На сколько тебя хватит? Быстро выдохнешься, а добыча ускачет.

— Не скажи! Если всё сделано внезапно — работает. Говоришь, жертву издалека чуешь, а она тебя разве не чует?..

С каждым днём они спорили жарче. Но поскольку подраться не могли, то решили сбежать и при случае показать друг другу охотничьи хитрости.

Однажды животных перевозили в другой зверинец, и приятели умудрились-таки выбраться на волю. Оба были сильны, осторожны и могли напугать до полусмерти, так что до Африки добрались.

Лев тут — в своей тарелке, а волку — худо, непривычно в жаре. Серый крепится из последних сил, не хочет ударить перед другом мордой в грязь. Хозяин быстренько еды раздобыл, а после настала очередь гостя.

Но тому в саванне трудно: попробуй догнать зебру или антилопу в высокой траве! Они ногастые, прыгают не хуже кузнечиков. Так, прыжками, долго могут передвигаться, а волк в траве путается. Вдобавок незнакомые запахи с толку сбивают. Совсем выбился из сил.

— Ну что, охотничек, — подтрунивает гривастый, — живой?

— Смейся, смейся, — мрачно огрызается приятель. — Посмотрел бы я на тебя в тундре.

— Посмотришь, — хозяин саванн был уверен, что и там у него всё получится.

Много времени и сил положили друзья, чтобы на севере оказаться. За дальнюю нелёгкую дорогу им пригодились выносливость и стремительность, отвага и осторожность, хладнокровие и ярость.

Добрались.

Льву холодно: грива-то густая, а спина мёрзнет. В засаде залечь негде: ни деревца, ни куста, мох с клочками травки. Да и не мог житель жарких саванн представить, сколько времени он на холоде без движения выдержал бы. Над волком тоже зря насмеялся: самого незнакомые запахи с ума сводят, хоть они не такие сильные, как дома. Лев даже пытаться охотиться не стал. Говорит:

— Ну что, друг, мне тоже нелегко в чужом краю. Видно, хороши мы с тобой каждый на своём месте.

— И то правда.

Африканцу в тундре лишнюю минуту быть — мука. Далек проводил его волк. Он ведь зверь такой, который не только на тундровых болотинах, но и в лесах, в степи уживётся. Лев так не может, поэтому, хоть подружились они крепко, расстаться пришлось навсегда.

И к лучшему. Новая встреча могла бы произойти только в зоопарке, а этого я им никак не желаю.

Не дай Бог никому в неволю попасть.

ВРАГИ

На столе рядышком стояли стеклянные банка и бутылка. Обе пока молчали, но поглядывали друг на друга с презрением. Банка не выдержала и начала разговор первая:

— Вот я — Ба-а-аночка. Посмотри, какая вместительная: широкое горлышко, внушительные бока, прозрачная.

- А я — Бутылочка, — отвечает ей соседка. — Тёмно-зелёная, изумрудная, можно сказать. Посмотри, какая у меня тонкая шейка. Фигурка — заглядение.

Видит крутобокая, что тонкогорлая ею нисколько не любит, собой довольна, чужого превосходства не допускает, обиделась:

— Что-о-о? Ну что в тебе хранить-то можно? А в меня и огурчик влезет, и помидорчик.

Бутылка не сдаётся:

— Во мне всё благородное хранить можно: родниковую воду, вино, настойки, бальзамы разные. Только я не такая глупая, как ты: не показываю

каждому своего внутреннего мира!

— А-а, — обозлилась Банка. — Так ты меня простушкой-глупышкой обзываешь?!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Хозяйка не налила в Банку кипячёное молоко и в холодильник не отнесла. А Бутылку в стенной шкафчик на полку поставила с крапивной настойкой (здоровью волос помогает).

Через время они снова встретились: молоко закончилось, настойка тоже. Хозяйка вечером их в раковину поставила, чтобы с утра помыть.

Когда в доме легли спать, спор у соперниц затеялся снова:

— Я прозрачная, кристально честная, душа нараспашку — ничего не скрываю! — кричит Банка.

— А я таинственная, загадочная, всё прячу, ничему испортиться не дам, — откликается Бутылка.

В конце концов доводы иссякли, и Банка могучей грудью кинулась отстаивать своё превосходство. Раздался звон.

Усталая Хозяйка сквозь сон решила, что это кот хулиганит, и дала себе слово наказать его, когда проснётся.

Утром в раковине она увидела бесцветные и зелёные осколки и выбросила их в мусорное ведро. "Разбились. Мыть не надо", — подумала женщина.

На полках стенного шкафа у неё стояла дюжина разных банок и бутылок.

ЗАЮШКИН ДОМИК

Трудно зайцу в лесу. Ни присесть где, ни подремать вволю: того гляди лисица отыщет, волк погонится.

Не было у серого трусишки домика. Даже норы какой-нибудь. Решил он убежище надёжное поискать.

Ходил, ходил по лесу. Вышел на полянку. Солнышко светит, птички поют. Тихо. Боязливые-то зверьки неохотно из чащи показываются: вдруг заметит кто.

Но тут — другое дело: на пенёчке фея сидит. Не то чтобы по ней это видно было, но заяц так рассудил: сидит человек, а бежать от него не хочется. Наоборот даже, подойти любопытно. С чего бы?

Другое опять же: люди зачем в лес ходят? С ружьём — на охоту, с корзиной — за грибами, с бидоном — за ягодами. А тут корзинка рядом, а в руках — ножницы. Сидит, режет, о грибах не помышляет. Только ведь это я говорю, что ножницы. А звери-то где в лесу их видели, откуда знают, что это? Вот и выходит по-заячьему: дело колдовское. Ну кто это может быть? Фея. Некому больше. Длинноухий опасно подобрался ближе, сел, носом водит.

Волшебница заметила краешком глаза, спрашивает:

— Что, дружок, деться некуда?

— Угу. Нет у меня, бедного, ни норки, ни шалашика.

— Будет, будет тебе убежище. Подожди-ка... — взяла фея из корзинки плотную бумагу и домик вырезала.

Поставила на ладонь, зайчику показывает.

— Маловат да слабоват, — капризничает тот.

— Смотри-ка, — кудесница тихонько дунула.

Картонная игрушка с руки соскользнула и полетела, увеличиваясь, под кустик на краю полянки.

— Домик этот не простой, хоть бумажный. Нет его надёжнее: защитит он

тебя не только от дождя и вьюги, но и от любого, у кого зло на уме. Доброго и честного можешь в гости звать, места хватит, а злой да коварный его не увидит. Спрячешься в нём — враг мимо пройдёт, не заметит.

Фея исчезла. Зайнышка осторожно залез, посидел, ничего особенного не почувствовал.

А волшебная сила нового жилища скоро пригодилась.

Бегали однажды зайцы в дальний овражек травкой лакомиться. Вдруг волк как выскочит! Всех разогнал и за нашим погнался. Долго бежали. Зайчик уже уставать начал, когда между деревьев просвет знакомой поляны увидел. Собрав остатки силы, кинулся он в свой бумажный закуток. В последнюю минуту услышал, как челюсти над ним лязгнули. Хищник прыгнул (вот-вот сцапает) и вдруг упал мордой в траву. Вместо знатной добычи в зубах — ромашки да колокольчики. Где она? Испарилась? Растаяла? Волк обалдело помотал головой, выплюнул цветы и побрёл прочь, понунив голову и хвост.

Косой это из окошка видел.

Другой раз пришлось ему вдоль бережка домой возвращаться. Заметил он у кромки воды лисичку: плачет вроде. Зайцы-то с лисами, как с волками, не особенно дружат, но тут, видно, помощь нужна. И страшно: вдруг учуяла его да притворилась? Но по доброй душе отважился, спрашивает:

— Ты что лежишь?

— Ох, лапку занозила. Еле хожу. Поможешь?

У того душа пополам: помочь надо и пойматься не хочется. Покумекал маленько да и придумал невеликую, а всё ж хитрость.

— Что же, помогу. Я близко живу. Потихоньку дойдёшь? Дома у меня полечишься, отдохнёшь, сколько надо будет.

— Попробую, — ответила рыжая и поднялась. Доковыляли. Заяц издала показывает:

— Вот мой домик.

— Вижу. Что же хлипкий такой?

— Какой есть. Заходи, — тут уж хозяин гостью смело позвал. Помнил, что фея говорила: дом виден тому, кто без злого умысла приходит.

Занозу вынули, лапку перевязали, чаю попили. Лисичка говорит:

— Выручил ты меня, серенький, спасибо. Отныне друг я тебе и защитник. В жизни не трону.

Стали они дружить. Многих врагов зайчик ещё потом распознал и друзей обрёл.

Домик его и теперь стоит на прежнем месте, только не каждый его увидеть может.

ЕГОРОВ ЛЕС

В большом селе под высоткой, поросшей сосняком, жило в недалёком прошлом много народу.

Ребятня в свободное время в лес норовила податься. Круглый год дела себе там находили: зимой на лыжах, санках по склонам съезжали, весной за первоцветами бегали. Потом до самой осени по ягоды, по грибы ходили или просто костерок пожечь.

Главным заводилой по части костерков-то был озорник один. Егором звали. Сколько раз лесник и егеря его из лесу гоняли — не сосчитать, но он

снова за своё принимался. Такой был...

А в дремучей чаще жил Леший.

Всё ему в лесу ведомо и любимо. За всё у него душа болит: за травинку-былинку, птаху малую и белочку рыжехвостую. Гора забот выше ворот, а тут ещё люди с зимы до осени тревожат его царство. Покоя совсем не стало, везде не поспеть. У него ведь под приглядом леса на десятки километров вокруг. Лесники и егеря помогают, но едва справляются.

А Егорка озорничает тут же. Понятно, что Лешему он нравится не мог. Пугал мальчишек лесной ведун, но, видно, время такое, что охотника с ружьём напугать легче, чем ребёнка.

Однажды случилась беда. Спалили сорванцы костёр, а угли гасить не стали. День был сухой и ветреный. Разыгрался пожар. Люди его не сразу заметили: ветер в сторону от села дул. Егор-то с ватагой ещё в сосняке бегал, а Леший пытался огонь затушить, но одному было уже не справиться. Не мешкая стал он зверей спасать как мог.

Приспела минута, когда бежит, стучит лапами, копытами многоликая толпа перепуганных и раненых зверей: хищники рядом с жертвами, сверху птицы, снизу ежи и змеи. За ними ведун спешит, несёт на плечах, голове, руках, в карманах, за пазухой слабых да малых, а за ним, пока что не вслед, оранжевой жаркой стеной пожар движется. Нагнали мальчишек. Звери вперёд побежали, а Леший кричит ребятам:

— Бегите, спасайтесь! Подмогу вызовите: пожар в лесу! Схватил Егора за руку, потащил до противопожарной полосы,

топор ему в руки суёт, а у самого лицо такое гневное, что озорнику не на шутку страшно сделалось.

— Руби кусты вдоль полосы!

— Они же живые... — ничего не соображая, прошептал парнишка.

— Живые?! Ты бы подумал об этом, когда костёр в лесу разжигал! Руби, говорю!

Так Егор и рубил, не выпуская топора из рук, до приезда пожарных. А Леший в безопасном месте обожжённых зверей лечил.

Когда всё кончилось, пожарные мальчика благодарить за помощь принялись, а он голову опустил, рукой махнул и ушёл. Идёт, слёзы глотает. Вдруг слышит голос:

-Не о том плачешь. Приходи завтра утром сюда, уму-разуму учить буду.

Мальчик ночь не спал, а послушаться не посмел. Чуть свет пошёл. Стал по горелому ходить. Жутко. Под ногами серая дымка стелется. Туман ли, дым ли? В горле першит то ли от гари, то ли от жалости. Земля чёрная. Из неё колыями обугленные стволы торчат.

Странные комочки валяются, может, пичуги обгорелые? Зябко Егору стало, задрожал. Замёрз с утра или раскаяние холодными лапами стиснуло сердечко?..

— Налюбовался? — услышал он подошедшего Лешего. — Ты ещё погибших детёнышей не видел. Хочешь, покажу?

Озорник опущенной головой замотал, слёзы на пыльные сапоги закапали.

— Коли так, слушай внимательно, — сказал Леший. — Делай что хочешь, судьбу выбирай как знаешь, но лес на этом месте вырасти. Иначе и жизни у тебя не будет.

По малолетству-то Егор понял, что погубит его колдун. Однако вышло

по-другому...

Вернулся парнишка и сразу пошёл на окраину села к старому леснику Семёнычу. Узнал, сколько времени и сил надо, чтобы лес восстановить, снова чуть не расплакался.

— Раз не терпится, можешь прямо сейчас кое-что сделать, — говорит старик. — Отведу-ка я тебя в питомник. Там саженцы сосен и елей растут. Поучишься, сам попробуешь. Пока твои ёлочки в силу войдут, почва восстанавливаться начнёт.

Пошли. С того момента началась у мальчика новая жизнь. Озорничать времени не стало: после уроков к своим деревцам мчался, растил. Как школу окончил, в лесотехнический институт учиться поехал, потом в родное село вернулся.

День за днём, год за годом пошли, понеслись. Не знал Егор покоя и не хотел отдыхать. Всё в лесу, при деле. Саженцы-то ему довелось не только на своей гари высаживать да выхаживать. Так жил...

Много времени прошло с тех пор. Зашумел, загудел на пригорке крепкий сосняк. Утреннее солнце золотит его молодую кору с востока, вечернее покрывает медью на западе. Одевает зима его в пушистые снега, носит весенний ветер смоляные запахи по округе. Лето развешивает серебряную росу на черничнике. Сыплет осенью червонную монету осинничек — сосняковый попутчик.

Чуть не каждый день поднимается сюда столетний старец Егор. Садится на травку перед сосняком, щурится на солнышке. Всё помнит он, ничего не забыл. Только слова Лешего, которого с тех пор и не встретил, понимает по-другому.

Не собирался колдун губить его, а может, наоборот, берёт, чтобы успел он главное в жизни дело сделать. Не Леший забрал, а Егор сам жизнь лесу этому отдал. Вон какой сосняк-красавец вымахал, в стихи просится! Приложит, бывало, дед руки к стволу, щекой коснётся и слушает, улыбается, словно понимает, о чём дерево шепчет.

Так-то сидел однажды старик, грелся на припёке и дышать перестал. Не умер, а превратился в гранитный валун. Всё слышит, а молчит, не двигается. Счастлив: лучшей доли, чем у ног своего леса солнышко встречать, он не желал.

Люди тот лес Егоровым назвали и поныне гулять в него ходят. У гранитного валуна молодые люди свидания назначают, пожилые ягодники отдыхать пристраиваются, совсем как дед Егор прежде...

СКАЗКА ПРО ЦАРЯ, ВДОВУ, СОЛДАТА И МАСТЕРА

Когда-то под Божьим оком, в краю недалёком, в высокой палате, на серебре-злате жил, ел и пил государь. Не шибко знаменитый, не особо деловитый; не грозный, не серьёзный, а так себе царь. Царёк.

Задумался он однажды, как бы своё неприметное властительство прославить. Решил созвать большое собрание людей учёных, торговых, ремесленных и просто толковых, послушать их советы. В награду посулил полцарства.

В назначенный день собралось в дворцовых палатах много важного народу и всякого сброду. Каждый день царь с министрами человек по сорок слушают. У государя с отвычки к думам голова усохла, корона на шею свалилась. Главный пекарь принялся пирогами да блинами срочно его

откармливать. Ума нет, пусть хоть щёки будут.

А на столичной окраине, в мастеровой слободе, жила многодетная вдова Марья. Муж жив был — концы с концами еле сводили, а как помер — вовсе горе мыкали. Не покладая рук трудилась вдова. За всякое дело бралась, дома почти не бывала, а заработать детям на сытую жизнь всё не могла.

Однажды вернулась вдова домой усталая, села за стол и уснула, не помнила как. Снится ей, будто старая женщина зашла на огонёк. Посидела, ни еды, ни воды не спросила, говорит вкрадчиво:

— Знаю, милая, тяжело тебе живётся и душа твоя по деткам болит. Научу я тебя, бабонька, кушанью одному. Похлёбка та непростая, хоть жидкая, негустая. Как сварить, так в горшке всю неделю не закончится, хоть сколько ешь, хоть кого корми. Плохим людям не рассказывай: не выйдет добра.

На ушко прошептала, по щеке погладила.

Марья от её прикосновения проснулась. Огляделась: гостей никого свои спят. Припомнила сон. Ну что же: угольки в печке померкивают, горшок на краю стоит. Закоулки осмотрела, где лучину, где чесночину — всего понемногу нашла. Сварила с горсточку и спать легла.

Утром голодные дети рано поднялись и — к матери. Проснулась вдова, чувствует: вкусный запах по избе струится! Кинулась к печи: похлёбки в горшке — до краёв. Сколь ни ели, доверху и осталось. Мать опять по работам пошла, а старшим детям велела младших из того горшка кормить.

Так и пошло. Дети подросли, помогать стали: кто шитьём, кто дров колотьём. Всё бы ничего, только одна беспокойная думка появилась.

Марья к тому времени чуть не всю столицу со слободами обошла, горя нагляделась: голодные сироты да вдовы, старики да мытари. Подумалось женщине, что чудесной похлёбкой всех бедолаг накормить можно. Услышала она про государственное собрание, решила идти, рассказать, как голод изжить. Чем, думает, не добрая слава для самодержца...

Не Бог знает где, а в той же самой слободе жил отставной солдат, старый опытный вояка, не генерал, однако.

Такой сметливый, что любому воеводе сто очков вперёд даст. За долгую службу много он повидал, обдумал и понял.

Только не любили в царской армии сметливых. Всё у них велось по старинке да по старой картинке. Генералы орденами обвесились, а пороху-то не нюхали.

Вышел солдат в отставку, стал дома на завалинке посиживать, детишкам берёзовых солдатиков вырезать. Созовёт, бывало, мальчишек и давай деревянные сражения устраивать. Да всё с толком, с умом, как в настоящей армии. Ребятишки играют, а исподволь учатся. У самого от таких забав все смётки, хитрости и умения в голове отточились, хоть книгу по ратному искусству пиши.

Соседом старого воина был славный мастер по дереву. Уж он и плотник, и столяр, и художник знатный! Свой домишко в такие резные затеи нарядил, что издалёка люди приезжали подивиться. Мечтал мастер построить школу для даровитых слободчан, уменье своё передать, чудесам резьбы выучить, умельцев лучше себя вырастить. Таких, чтоб царство на веки вечные прославили.

Увидели солдат и мастер, что Марья во дворец засобиралась, решили с ней идти. Пусть государь и их послушает.

Не ради богатства, а во славу отечества.

У вседержителя к тому времени ума совсем не стало, и дело застряло.

Здравые советы слушать скучно, а глупые — несподручно; от них министры царя отговаривали. Солдата с мастером тоже послушали да с тем и проводили. Не ко двору, стало быть...

Марью ж слушал со вниманием. Бедняков кормить царь, конечно, не собирался, но сам-то покушать любил. Велел про похлёбку всё записать, собрание распустить. А чтоб полцарства вдове не отдавать, посадил её в тюрьму.

Дворцовые повара того варева наготовили. Государь с вельможами первую ложку глотнули, а вторую выплюнули. Разве разнеженному брюху придётся по вкусу бедняцкая еда? Кому-то и понравилось, а чтоб свою великосветскую природу показать, так тоже плевались.

Солдат с мастером узнали, что безвинная вдова в тюрьме мается, пошли выручать. Заходят к царю, а тот сидит, скрючившись сушёным грибом: колики мучают. Какие там просители! Чтоб скорее его в покое оставили, он министрам руками машет: выпускайте, мол...

Вышла Марья за ворота, видит: солдат и мастер её ждут, разговаривают. Подошла, послушала, своё слово сказала. Решили они приниматься за дела без царёва соизволения.

Вот и взялись: Марья сирот по всей округе кормит, а солдат и мастер детей учат тому, что сами умеют.

Детки повыврастали, умения переняли. У Марьи помощники нашлись, лучше неё дело наладили. Не стало в стране нищих да голодных.

Солдатовы мальчишки со временем на военную службу поступили, порядок в воинстве навели.

Ученики мастера превзошли в ремесле и искусстве.

Такая об этих людях слава по земле пошла, что из-за границы поваров, генералов и художников на выучку присылали.

Ну а царёк-то наш что?

Да ничего. Сел под окном, задумался и просидел много лет. Министры разбежались: кто заграничным королям служить, кто в купцы. Слуги по домам разошлись, богатое убранство жулики растащили, крыша провалилась.

Помер царь, ничего не высидев. Тем и прославился. Только слава о нем особенная осталась: в насмешках да прибаутках.

СВАДЬБА ПРИНЦЕССЫ ГОРОШЕК

Бедная Горошек решительно не знала, кого из принцев предпочесть. Безупречно воспитанный Фасолио привлекал грациозностью, Боб — прямодушием и крепким, глянцевым здоровьем.

Меланхолически вскинув реснички, подперев головку бледно-зелёной ручкой, она мечтательно смотрела из башни на облака и слушала несусветный грохот снизу: женихи изволили выяснять отношения с помощью тяжёлой артиллерии. Фасолио обстреливал позиции соперника фасолинами, а Боб отвечал бобами. Когда боеприпасы закончились у обеих сторон, наступило затишье.

— А-ах! — печально пропела красавица, откинув с курносого личика тугие кудряшки. — Если бы я могла наконец решить...

Услышав это, принцы покрылись багровыми пятнами негодования, пробежались по своим позициям и с удвоенным жаром принялись снова закидывать друг друга, на этот раз тем, что оказалось под рукой: Фасолио —

бобами, а Боб — фасолинами. Когда запасы были перестреляны опять на свои позиции, противники объявили перемирие и встретились лицом к лицу под окном печальной избранницы.

— Что, получил? — одновременно прошипели кавалеры.

— Тоже мне геройство: снаряды перекидывать! — пренебрежительно сказал Фасолио. — Давай состязаться в уме и сообразительности!

— В уме и сообра... Что?

— Со-о-бра-зи-тель-но-сти, мой недалёкий друг, — сыронизировал утончённый принц.

Загадки, что ли, разгадывать? Поехали, — насмешливо хмыкнул Боб.

— Без рук, без ног, а ворота открывает.

— Кирпич, — не моргнув глазом, выпалил соперник.

- Разве ворота кирпичом открывают? Это ветер, дурашка.

- А ты где ворота-то видел? За свою вегетативную жизнь дальше грядки не плюнул. Теперь отвечай: без окон, без дверей, полна горница людей.

— Это даже дети в детском саду знают, — поскучнел Фасолио. — Огурец.

— Неправильно! — обрадовался здоровяк. — Полна горница в огороде может быть где угодно. У помидора не полна горница, что ли? У тыквы, кабачка, арбуза? Чего сник, профессор?

— А ничего. Надоело мне с тобой, глупцом, не по правилам в уме состязаться.

— Что-о? Я — глупе-ец?! — вспыхнул Боб и выхватил из-за пояса шпагу.

— Так и знал: ума нет — сразу за шпагу хвататься, — подосадовал Фасолио, однако шпагу вынул...

Поединок длился, пока солнце не закатилось за грядки. На бархатном небе одна за другой начали вспыхивать разноцветные звёзды.

На подоконнике на сложенных ручках дремала идеально круглая, как драгоценная жемчужина, головка принцессы. Спиральки локонов свешивались и подрагивали при каждом вдохе.

На крыльце перед башней, привалившись спинами друг к другу, сидели усталые соперники...

Развиднелось. Мимо задремавших дуэлянтов в замок проскакал гонец, и через пять минут в комнате Горошек раздался пронзительный, надо думать, радостный крик.

Принцы на крыльце вздрогнули и переглянулись.

— Боже! Неужели она наконец сделала свой выбор? — всполошился Боб.

— Хорошо бы, — вторил ему дрожащий от волнения и усталости голос Фасолио. — Я больше не выдержу.

Они пожали друг другу руки с видом сочувствия и поддержки.

— Господа-а! — торжественно пролепетала красавица. — К нам едет моя кузина, принцесса Соя! Давайте на время забудем ваши раздоры и встретим её достойно.

Женихи обменялись такими взглядами, будто приняли важное решение.

Полдня они приводили себя в порядок, приличествующий случаю. Наконец принцесса Горошек и разные важные персоны, приглашённые ко двору, под звуки фанфар встретили Сою.

Хозяйка познакомила её с кавалерами. Находчивый Фасолио сразу же начал ухаживать за гостьей, и к ужину они так подружились, что не отходили

друг от друга ни на шаг. Утром грациозный красавец предложил Сое руку и сердце. Та с радостью приняла предложение. Боб поклялся в верности горошек. И она не стала больше раздумывать над ответом.

Через день в королевстве Огород сыграли свадьбу двух венценосных пар. Праздник был устроен для всех жителей страны.

А во дворце за длинными столами важно восседали барон Помидор и граф Огурец с супругой, графиня Тыква и герцог Кабачок, виконтессы Морковь и Свёкла, а также большое и шумное семейство княгини Картофели.

Целую неделю газеты и журналы соревновались в изысканности, описывая небывало пышное и необычайно важное для процветания государства бракосочетание. Огородные модницы тщательно изучали по фотографиям наряды молодожёнов и гостей.

АНТИКОЛОБОК

У этого колобка сначала всё начиналось как в сказке: по коробу помели, замесили на сметане, в масле обжарили, на открытое окошко за занавески остывать поставили.

И забыли! Заторопились на сенокос, перекусили чем Бог послал и ушли.

Лежал, лежал колобок на подоконнике, засох, зачерствел, озлобился. Почуял в себе силу и охоту её показать. Раз так, дело известное: спрыгнул он с подоконника на лавку, с лавки на пол, в сени, а там — на улицу.

По дороге катится, камешки пинает. Собаке в бок попал.

— Что, получила, брехливая? — злорадствует он.

— Так сразу и брехливая? — переспрашивает собака. — А знаешь, круглоголовый, что я тебя покусая за грубость?

— Попробуй! — отвечает колобок.

Собака хватать его зубами, да не тут-то было: колобок чёрствый, как камень. Едва зубы себе не поломала.

— Что, съела? Придётся теперь тебе с котами молоко из блюдечка лакать, — хохочет тот.

Загавкала обиженная собака.

А колобок в лес подался: хотелось ему силушку свою на дикой твари испробовать, заставить бояться. Идёт по дорожке, покрикивает, подпрыгивает и головой в деревья на обочине ударяется. Крупные-то не выбирал, а так, потоньше, посуше, чтоб трещали громко.

По пути в белок, птиц шишками кидается, ежа увидит — норovit ногой наподдать. Стали птицы да звери в чашу уходить.

Там заяц травкой лакомился. Положит пучочек в рот, жуёт и глаза закрывает, так ему вкусно. Открыл в очередной раз заяц глаза, видит, движется на него большая толпа зверей.

— Куда это вы? Неужто в лесу охотничья облава началась? — с опаской спрашивает косою.

— Не облава, не охотники, а уродец какой-то круглый в лесу безобразничает. Невелик, а орёт громко, — отвечают ему.

— Пойду поговорю с ним. В крайнем случае, ногой пну, — расхрабрился зайчик.

Приходит, спрашивает колобка:

— Ты чего это, гость дорогой, в лесу безобразничаешь?

— Гость я для вас, дремучих, и вправду дорогой, а вот тебя знать не

желаю. Иди отсюда, — прорычал колобок и зайцу в бок головой заехал.

Косой вскрикнул, отбежал и колобку погрозил: погоди, мол, найду на тебя управу. Побежал к волку.

Волк после обеда на солнышке грелся, не подумал за зайцем гнаться, удивился только:

— А что, косой, теперь вы сами к хищникам ходите? Обеды на дом?

— Нет, что ты, — заробел длинноухий. — Я по другому делу. И рассказал, с чем пришёл.

Волк долго упрашивать себя не заставил, побежал к колобку.

Увидел издали, остановился понаблюдать, но, сколько ни смотрел, не мог понять, почему тот лес напрасно разоряет. Рассердился зверь на колобка, рывкнул:

— Зачем в лесу безобразничаешь?!

— А ты бы знал, серость лесная, сколько раз меня сегодня об этом спрашивали, — ответил колобок с издёвкой.

— Так ответь, — потребовал волк, но вместо ответа неожиданно получил удар по ноге и чуть не заскулил от боли.

Вот наглость! Но хуже было то, что хищнику теперь приходилось отступать, а он не привык. За кустом он скомандовал зайцу:

— Пошли к лисе. Она хитрая, что-нибудь придумает. Лиса выслушала и говорит:

— Если всё так плохо, то не ко мне, а к медведю идти надо. Он сильный и толстокожий: его издёвками не проймёшь...

Медведю тоже от колобка досталось. Огромный, дюжий, он оказался ещё и неповоротливым. В драку-то ввязался, но, пока поворачивался да замахивался, сам наполучал тумачков. Пришлось отступить.

По счастью, рыжая вспомнила, что на болоте матёрый сохатый живёт. Высоченный. Рожищи страх какие громадные! Его, бывало, не только волки боялись встретить, но и охотники с ружьями: быстро такого не убьёшь, а он, раненный и рассерженный, любого догонит и покалечит...

Рассказывать про лесные горести звери зайцу поручили, чтоб жалостливей получилось.

Согласился рогатый зверям помочь. Пошёл с ними. Только медведь и волк не очень верили в успех: сами были храбрыми и сильными, а не справились.

Лось сразу в драку не полез. Стоял неподалёку, обдумывал позиции. А колобку победы голову вскружили; увидел он голенастого громадину, подумал, что тот не решается напасть. Бросился навстречу и кричит:

— Берегись, недоумок!

Сохатый немного отступил для разгону и в решающий миг рванул вперёд, опустив голову. Столкновение от рывка усилилось. Подхватили увесистые рога расколовшегося колобка, подбросили и не поймали. Упали куски засохшего теста на лесную дорожку, а лось их ещё копытом подавил, чтобы птицам да белкам удобнее кушать было.

Звери не знали, как благодарить спасителя. Да то и не нужно было. Стар был лось, мудр и знал, что в лесу похуже беды приключаются, рогами всему не поможешь...

А колобку поделом.

ОЛЕНЁНОК И ЕГО ДРУЗЬЯ

Оленёнок родился в семье северных оленей на юге бескрайней тундры. Когда весна разгулялась, стали олени к северу откочёвывать.

Однажды напал на них волк, отбил в сторону тонконового сосунка, и пришлось бы тому погибнуть, если б не чудо...

Малыш мчался со всех ножек, резко бросался в стороны, как подсказывала оленья природа, устал и уже слышал за спиной хрипкое волчье дыхание, как вдруг... исчезло! Обернулся: никого!

Оленёнок ничего не думал о чудесном спасении, просто радовался, что жив. Когда отдохнул и огляделся, видит: он один. Куда идти — не знает. Побрёл наугад.

Дошел до стены высоченных деревьев. В своей маленькой жизни он, конечно, видел деревья, только низенькие, не выше его самого. А эти шея болит рассматривать. Постоял, попереминался с копытца на копытце и вошёл в лес. Идёт, головой вертит: всё не так, как в тундре. Вот птица грузно поднялась и, тяжело хлопая крыльями, перелетела на другое дерево. Дома тоже есть птицы, но они не такие, как здесь, и живут по-другому. Вон маленькая пушистая зверушка огоньком проскакала по веткам и скрылась.

А во-от, ломая сучки, навстречу движется большой косматый зверь. Оленёнок попятился. Приметил это громадина, ухмыльнулся не зло:

— Какими судьбами?! В тайге такие, как ты, не частые гости.

— Олень я... Северный... Из тундры... Маму ищу.

- Ма-аму? Заблудился ты, золотко; тебе в обратную сторону надо. Хочешь, провожу? — участливо спросил зверюга. — А что, интересно тебе здесь? Поди, новое всё, необычное?

— Что есть, то есть.

— Так и погости маленько. Я тебе красивые места покажу. Меня тут все знают. Медведь я.

Кто постарше, может, и не согласился бы: зверь-то незнакомый, что у него на уме? Но малыш ни о чём таком не подумал. Заблудился он крепко, а этот верзила его и в первую минуту съесть мог.

Пошли к реке. По дороге косолапый про деревья и зверей рассказывал. На берегу за кустами спрятались, на лужок глядят.

Там девочка на травке сидит. Синий в мелкий цветок сарафан, тоненькие косички. Рядом корова, лошадка и овечка ходят.

Медведь всех назвал и прибавил:

— Хорошая девочка. Часто их тут вижу, а подойти не смею: боюсь напугать.

У Оленёнка нет таких забот. Он и выскочил из кустов.

— Ой, маленький, привет! Ты откуда взялся? — ласково заговорила Любаша — так, выяснилось, звали девочку.

Подошли корова Милка, лошадка Травка, овечка Катька. Познакомились. Косолапого кликнули...

Вечером расставались уже друзьями. Медведь малинные места обещал Любаше показать. После повёл северного гостя в берлогу спать. Сам уснул быстро, а Оленёнок вспоминал, как много интересного узнал за день.

К примеру, в тайге много деревьев, но всё больше сосна да лиственница. Заливным лужок называется потому, что талая вода его весной заливает. Лошадка, корова и овечка домашними считаются, живут с человеком. На лужок пастись ходят... Девочка такая хорошая, добрая, ласковая! Медведь говорил, что люди злые и жестокие, их больше лесного зверья бояться надо. Ах, если бы все такие, как Любаша, были!..

Много чего малыш вспомнил, а потом мысли спутались, и он уснул.

Утром проводил косолапый его до окраины леса, показал, куда идти и как за солнцем следить, чтоб опять не заблудиться, помахал на прощанье лапой.

Обратный путь был уже знакомым, и, хотите — верьте, хотите — нет, голодный волк ему не встретился.

Родных маленький путешественник нашёл, но о таёжных друзьях им почему-то не рассказал.

Через недолгое время он стал сильным и умным вожаком стада.

КТО ПРАВ ?

Сидела лиса в кустах и следила за уткой. Та плавала в озере и следила за чуть дрожащими кустами.

"Подплыви-ка поближе, птичка моя, я тебя съем!" — думает рыжая.

"Подползи-ка, моё солнышко, к воде, я тебя окачу", — соображает кряква, а подплывать не собирается.

Надоело хищнице сидеть в затайке: голод мучает. Стала она вприсядочку к кромке подходить. В кострец и камыши. А утка манёвры заметила и отплыла на середину. Взяла лисицу досада. Вышла она на берег со словами:

— Ну, я так больше не играю! Ты чего такая умная? Почему возле

зарослей не крутишься?

— И я не играю, — отвечает птица. — Утятину-то любишь? Почто за мной не ныряешь? Другие из-за любви не на такое отваживаются!

— Да мне и так дыхнуть-чихнуть в твою сторону боязно! Два часа сижу! Сама бы попробовала! — рассердилась охотница.

— Ага, сейчас. Только ты вместо меня пару часов поплавай, а я с берега на тебя поохочусь.

— Тьфу, — твякнула лиса, махнула лапой и побежала другую живность искать. На озеро не ходила до тех пор, пока уток побольше не слетелось. Как на гнёзда сели, она вернулась и тогда уж поживилась!

Поймала одну. Тянет в нору, слышит из своей пасти кряканье добычи:

— Как не стыдно на слабых нападать! Ты сильная, кого угодно поймаешь. Поймай зайца, отпусти меня.

Лиса добычу выплюнула, лапой прижала.

— Как не стыдно так глупо попадаться! Ты должна уметь чувствовать моё приближение. Попалась — терпи.

Жертва видит, что стыдом ничего не добьётся, давай плакаться:

— Отпусти, голубушка. У меня детки недавно вылупились. Кто их выкормит?

— А моих кто? Может, тебе поручим? — усмехается хищница.

— Миленькая, ты ведь любишь утятину. Дай свободу: деток выращу, к тебе приведу. Мяса лисятам вдоволь будет, — хитрит птица.

— Не трудись ходить, дорогая. Я своих деток сама выращу, на озеро приведу. Ежели ты им добра желаешь, замолчи и полезай в пасть.

— Э-эх, — вздохнула утка и закрыла глаза. — Нехорошая ты, злая...

— Ну-ну, — деловито подтвердила лиса, взяла её в зубы и потащила в нору.

Пойми тут, кто прав...

ПОДАРКИ

В прошлые времена люди жили в согласии с природой, животные - с людьми, а волшебники всем помогали.

Один человек держал лошадь, корову, пса и барана.

Конь помогал человеку в трудах, корова кормила семью, а собака день и ночь охраняла подворье. Только баран жил, как нравилось, был своенравен и задирист. Чуть что не по-бараньему — головой в стену бах! — вот и поговори с ним.

Зимой с задирой в хлеву тяжело время коротать. В иное время лучше: коня и пса целыми днями дома нет, делом заняты. А корову на лугу донимать нечего, травку щипать нужно.

Был летом один день, когда раздоры вовсе забывались: праздник по случаю рождения волшебницы Фауны, защитницы всякой живности — от блохи до кита.

Каждый год на широкую поляну Дремучего леса собирались животные. Они торжественно и благоговейно подносили свои дары имениннице, прославляли мудрость и доброту.

Потом ждали её слова. Среди гостей она выбирала нескольких животных и желала или назначала им что-нибудь. Эти добрые пророчества приносили

удачу. Так что все тщательно готовились к торжеству, надеясь попасть в число избранных.

Конь, корова и пёс тоже засобирались, а баран на луг побежал. Накануне он там лбом гранитный валун расколол, проверял, что крепче — лоб или гранит. Ему хотелось принести на праздник такую же глыбу и разбить во славу именинницы. А что, очень даже зрелищно. Наверняка отличишься: многие ли так же смогут?

Взвалил баран себе на спину бульжник и в гости пошёл. По дороге коня, корову и пса нагнал. Видит, что у них с собой ничего нет, посмеялся, дальше гордо понёс свою будущую славу.

А три товарища и так стеснялись, что подарков не припасли. Долго они перед тем спорили, ничего не придумали, но решили идти. Как не поздравить любимую волшебницу?

Видят: собралась животные со всего света. Слоны и жирафы — из горячей Африки. Бог весть как добрались сюда горделивые американские ламы и добродушные австралийские коала. Конь, корова и пёс пришли последними, если не считать барана, которого почему-то ещё не было. Гости подходили к трону именинницы группками, чинно подносили дары и уступали место следующим. Дошла очередь до коня, и он заговорил:

— Дорогая Фауна, всю жизнь я прожил рядом с человеком: воевал с ним, облегчал всякий труд. О себе не думал, поэтому у меня ничего нет. Но ты можешь сесть мне на спину, и я подарю тебе радость движения, похожего на полёт и танец. В отчаянном галопе тебе покажется, что руки становятся крыльями, моя спина — твоим продолжением, а вместе мы — единое крылатое существо, грациозное и сильное, лёгкое и стремительное.

Он склонил голову и отошёл в сторону, дав место корове. И она сказала:

— Всю жизнь я кормила людей, не ожидая платы, поэтому у меня ничего нет. Но я дам тебе кружку молока, пахнущего злаками и цветами, росой и июльским зноем. Его тепло похоже на тепло рук матери.

Его вкус напомнит тебе летний день, воспетый трелями жаворонка стрекотанием кузнечиков и жужжанием пчёл, день твоего детства, где всегда тепло и радостно. Подошла очередь пса.

- Милая Фауна! Я — пёс и не могу предложить тебе сюрпризов и радостей. Но могу сесть у твоих ног и даже тени беды не позволю коснуться уголка платья. Если прикажешь — не сойду с места; если попросишь — не сомкну глаз; если будет нужно — последую за тобой, куда бы ты ни шла.

Когда пёс умолк, раздался блеющий смех подросшего барана:

— Нечего сказать, хороши речи! Только словечками сыт не будешь и не прославишься. Смотрите, простофили!

Он протолкался к центру, пристроил бульжник, разогнался и треснулся в зернистую глыбу. Валун не раскололся — разлетелся на мелкие острые кусочки, брызнул каменными осколками едва не в глаза окружающим. Ахнула на все лады толпа животных. Но тут Фауна подняла руку:

— Друзья мои, благодарю вас за дары и пожелания. Позвольте и мне сказать своё слово...

И стало по её слову.

Во все времена самыми почитаемыми животными были и остаются конь — труженик, корова — кормилица и пёс — верный слуга. Великое трудолюбие, бескорыстную заботу и самоотверженную преданность люди считают главными добродетелями.

А барану Фауна подарила крепкие рога, и подарок пришёлся ему по вкусу.

СЕНЯ И ТАРАРАМ

Сеня очень огорчал маму и папу рассеянностью.

Каждое утро его портфель приходилось проверять, краны после него закручивать, свет и газ выключать. И до школы провожать, чтобы не опоздал, ключи по дороге не посеял.

В школе у парня тоже не ладилось. Тетрадki в кабинетах забывал, задания путал, дверьми ошибался. Правда, насмехаться над ним не рисковали: колкость тут же забывалась, а если помнилась, то по уху обязательно не тому, кому надо, попадало.

Родители с ним беседовали, ругали, поучительные книжки читали — всё без толку.

Однажды им встретилось объявление: "Волшебница поможет в безвыходных ситуациях". С адресом.

От отчаяния они уже всему верили, поэтому поехали.

У дверей таинственной особы выстроилась длинная очередь, но быстро продвигалась: посетители долго не задерживались. Наверное, их ситуации были не такими уж безвыходными.

Сениных родных встретила пожилая дама с добрыми, пронизательными глазами. Сначала она ни за что не хотела иметь дело с людьми, жалующимися на своего ребёнка. Однако, выслушав, решила помочь:

— Поступим так. На выходные вы куда-нибудь уедете и вернётесь не раньше воскресного вечера. Остальное — моя забота.

В субботу мама и папа отправились в гости, а волшебница уселась в старинном кресле перед хрустальным шаром и растопыренными пальцами принялась описывать над ним круги, пока кверху не заструился дымок. Под потолком из него склубилась "фигура, похожая на человеческую.

— Дух разгильдяйства и беспечности! — торжественно произнесла дама. — Лети к ребёнку. Он нуждается в тебе.

Дымчатый поклонился и выструился в форточку...

Тем временем Сеня сидел за компьютером и играл в "Тетрис". В соседней комнате истошно звал на помощь телевизор, на кухне из чайника выкипала вода. Вдруг газовый вентиль повернулся, и чайник перевёл дух. Телевизор замолчал.

В дверь постучали. Сеня выглянул, никого не увидел, зато услышал, что по квартире уже кто-то ходит.

В комнате мальчика ожидал необычный гость. Части его костюма по отдельности выглядели терпимо, но вместе подчёркивали странный вид пришельца. У потрёпанного пиджака оторвались и повисли карманы, на голове небрежно устроился ярко-красный колпак неизвестного назначения. Пожалуй, зимой в нём можно изображать Санта Клауса. Коричневые штаны по ширине были велики, а по длине малы. Фигура посетителя странно колебалась, будто наполненная дымом.

— Как вы вошли? — спросил хозяин.

— Как все: через дверь, — незнакомец показал глазами в коридор. — Давай знакомиться. Меня зовут Тарарам.

— Это что же, псевдоним? Как в цирке?

— Нет, конечно, — хохотнул пришелец. — Но цирк мы с тобой сейчас устроим. Играть будем так: я убегаю, ты догоняешь.

Если поймашь — ты выиграл и делаешь всё, что вздумается; если устанешь — победил я и творю, что хочу. Сеня согласился. Игра началась.

Бегая по квартире, дымчатый вроде бы невзначай что-нибудь опрокидывал. Догнать его пока не получалось, и мальчик начал присматриваться, как похитрее это сделать.

Но Тарарам раскатисто гоготал и не поддавался. С каждой опрокинутой вещью у него прибавлялось сил!

Настал момент, когда буквально всё было разбросано и рассыпано, а гость цвёл силой и бодростью. Сеня догадался, что играть с Тарарамом надо иначе.

Что если на бегу подхватывать вещи и ставить на место? Ага! Получилось! Дымчатый сник и перестал смеяться.

Силы его таяли до тех пор, пока в доме всё не улеглось на свои места. Потом Тарарам издал протяжный писк и исчез. На всякий случай мальчик ещё проверил, всё ли выключено, вытерто, прибрано, и отправился спать.

За окном, обмахиваясь красным колпаком, на него смотрел Дух разгильдяйства и беспечности и улыбался...

В воскресенье вернулись мама с папой и чуть не упали в обморок от удивления. Вот это да: посуда вымыта, пол подметён, уроки выучены, а сын здоров и благополучен. Разве не чудо?!

На следующий день родители купили букет цветов и отправились по знакомому уже адресу.

Странно, сегодня посетителей не было вообще. Наверное, люди захотели искать выходы из сложных ситуаций без помощи волшебства.

ЗАЯЦ И ТЕЛЕФОН

В папином кармане жил мобильный телефон. Он был дельным помощником, поэтому хозяин всегда носил его с собой.

В тёплую октябрьскую субботу папа с дочкой и мамой отправились в лес. Они любовались осенними красками, бегали наперегонки, играли в мяч - словом, вели себя так, будто все трое были детьми.

Под большой елью, куда папа полез за мячом, телефон выпал из кармана. Кувыркнувшись, он нырнул в опавшую хвою. Вечером семья уехала обратно в город, так и не хватившись мобильного помощника.

Он лежал тихо. Вдруг под ель прыгнул запыхавшийся заяц, и почти сразу же за ним пробралась лиса.

— Ага! Попался, голубчик, — злорадствовала хищница, уверенная, что сейчас наступит конец зайкиной жизни. — Нашёл где прятаться. Ничего нового не придумал? Хоть бы по деревьям лазать научился.

Она готовилась броситься на бедолагу, когда разразился звонок. И не какой-нибудь, а "Ночная серенада" Моцарта. Необычные звуки заставили лису опрометью броситься наутёк. А уж заяц (тоже, кстати говоря, незнакомый с музыкой) вовсе лишился чувств. По этой причине он и остался под елью.

Косой пришёл в себя, опасливо взглянул на диковинку и спросил:

— Кто ж ты такой?

— Телефон я. Мобильник, знаешь? Некоторые просто трубой называют.

— Не-а. У нас в лесу таких зверей нет.

— Телефоны не звери.

— Рассказывай, — не поверил заяц. — Лису-то вон как напугал. Ну и голосина у тебя.

— Голосина — что. Я людям помогаю в работе, в общении...

— Бог с ним, с общением. В лесу это не принято, а вот то, что ты лису напугал, и есть польза. Я с тобой и волка прогнать смогу, и рысь. Вообще скоро царём зверей стану. Пошли ко мне жить.

— Пошли, — ответил телефон просто так, без цели, потому что был вещью и не видел выгоды от знакомства.

Всю дорогу заяц вслух мечтал о той счастливой поре, когда станет царём зверей. Ему грезилось, как лисы для него из деревенских огородов морковь таскают, волки — капусту, медведи травку по опушкам косят. Мобильник помалкивал.

У себя в норе заяц развалился на травяной подстилке и мечтательно закрыл глаза, надеясь увидеть счастливое будущее во сне.

Не тут-то было.

Грянул звонок. Папины знакомые очень хотели поговорить, поэтому "Ночная серенада" долго и восторженно звучала. Бедняга косой снова чуть в обморок не грохнулся. Наслушавшись и настрадавшись за ночь, утром он осторожно спросил:

— Послушай, может быть, тебе не стоит оставаться у меня?

— Может, и не стоит, — ответил телефон.

— Вот и я говорю. В конце концов, быть царём зверей трудно, опасно даже; куда мне... Давай я отнесу тебя обратно.

Боясь, как бы снова не раздались душераздирающие звуки, трусишка во всю прыть помчался с телефоном к ели. И там проникновенно зашептал:

— Прощай, друг.

— До свидания.

Зайчик побежал своей дорогой, а "друг" остался под елью. Правда, ненадолго. Скоро раздался шум подъезжающего автомобиля, хлопнули двери, послышались знакомые голоса:

— Вон та поляна. Посмотри, где трава примята. И под елью: ты туда тоже залезал. Нашёл?

— На поляне — нет. А под елью... Вот он, родимый!

Папа вылез и стал просматривать всё, что накопилось в электронной памяти. Потом автомобиль увёз людей с телефоном обратно в город, и жизнь всех снова пошла привычным порядком.

АЛИНЫ СКАЗКИ В ПОЛЕ

— Пора, — сказала себе кухарка Аля, сняла фартук и вышла на улицу. В сердце у неё давно поселилась мечта о путешествиях, росла, крепла, носить её стало тяжело: пора отправляться в путь.

Из городка дорога вывела девушку в поле. С обеих сторон из пшеничного моря на обочины свешивались спело позвякивающие колосья. Тревожимые ветерком, они тихонько кланялись, будто здоровались.

Неожиданно серым комочком выкатилась мышь.

— Ой! — Аля отпрыгнула назад.

— Не "ой", а "здравствуйте", — с достоинством произнесла полёвка.

— Простите... Здравствуйте, конечно! Неужели я вас понимаю? — залепетала сбита с толку путешественница.

— Так случается. Переступаешь через что-нибудь, и обнаруживается, что умеешь и понимаешь такое, о чём раньше не подозревала.

— Что же я перешагнула? — принялась оглядываться кухарка. Мышь обежала вокруг её ног, посмотрела по сторонам и ответила:

— М-м-м... Вероятно, через прежний образ жизни... И раз уж ты это сделала, пойдём ко мне чай пить.

— Как же я в нору-то попаду?

— Это не сложно, — ответила мышь. — Встань на четвереньки, покружись, будто ловишь свой хвост, три раза вправо, потом столько же влево, сосчитай до трёх - и уменьшишься. Когда захочешь вырасти, повтори всё в обратном порядке.

Аля проделала, как велено, и вошла в нору. Вопреки ожиданиям, внутри было светло и уютно.

— Садись в кресло, — велела полёвка, убежала, а появилась уже со столиком на колесиках.

На нём стояли блюдо со сдобными булочками, чайник и два прибора. Хозяйка разлила чай по чашкам и села напротив гостыи.

— Тепло в норе зимой? — вежливо поинтересовалась Аля.

— Когда как. Отопления, конечно, нет, но есть чудесная голубая шубка.

Мышь очень гордилась своим тусклым серым мехом.

— А лисы? Беспокоят? — снова спросила кухарка и тут же пожалела.

Посуда в лапках полёвки дробно застучала, чай с краёв заплескался, нижняя челюсть запрыгала.

Боже мой! Как можно забыть, что лисы — смертельный враг мышей. Чудовищная бестактность!

Аля смущённо поставила чашку на стол.

— Ну что же... Я, пожалуй, пойду. Спасибо и... извините. На пороге она посчитала с трёх до одного, покружилась на

четвереньках влево и вправо, выросла и вышла на дорогу. Впереди стеной стоял тёмный лес.

В лесу

В самом дремучем месте на дорогу перед Алей выскочил огромный волк.

— Всё, Алевтина! Конец тебе пришёл, — прорычал он, облизываясь.

Встреча напугала девушку больше, чем удивила, поэтому она затеяла переговоры:

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Знаю тебя и всех кухарок в округе. Вы всегда вкусно пахнете.

— В таком случае позволь напомнить: не всё золото, что блестит. По-другому, не всё вкусно, что хорошо пахнет, поверь.

— Верю. Но я хочу есть.

— У меня, к сожалению, ничего с собой нет... Разве что ботинки! Они кожаные.

— Ну во-от, — обиделся серый. — Я же не полярник, который дрейфует на льдине.

— Почему полярник... дрейфует?.. — потрясённая Аля смотрела на него круглыми от удивления глазами.

— Потому что льдина раскололась во время шторма. Часть её вместе с провизией унесло в море, а у полярника ничего, кроме ботинок, не осталось.

— Ну ты даёшь!!! — уважительно восхитилась кухарка. — Откуда тебе это известно?!

— Да так... — поскромничал хищник.

Ему было приятно Алино удивление, поэтому он не стал говорить, что газетных и журнальных обрывков на опушках больше, чем дичи. Поневоле читать научишься. И вообще, лес дремучим надо звать не оттого, что зарос глухо, а потому, что из-за мусора в нём ступить негде.

Понемногу кухарка и волк разговорились.

Он почувствовал, что не сможет съесть девушку. Причиной тому - её доброта. Зверь по опыту знал, что такое есть доброта: сначала вкусно, потом жалко и стыдно.

— Мне надо идти, — осторожно сказала кухарка. — Если хочешь, проводи меня до реки, а почувешь дичь — убегай, не прощаясь. Я не обижусь.

Пошли. По пути им было недолго: волк почувал добычу, рыкнул "пока" и метнулся в сторону.

Очень скоро просвет между деревьями расширился, и Аля вышла на берег реки.

В реке

Как странно: дорога вела прямо в реку. Вправо-влево не поворачивала, а вот так, в реку. Моста поблизости не видно. Плыть в одежде тяжело, и Аля решила, что на другой берег перейдёт по дну. Шаг за шагом она попала на самую глубину русла.

А там жил водяной царь. Не Тритон или Нептун, а такой, захолустный. Главный-то живёт в Океане, другие, рангом пониже, — в морях. Есть ещё в озёрах, крупных реках. Этот был царь не очень большой реки.

Он прожил здесь всю жизнь и сокрушался, что его недооценили и не назначили в какое-нибудь море. Скажем, в Белое. Или Чёрное, Красное, Жёлтое... Доходя в своих мечтах до этого места, самодержец судорожно вздыхал.

Целыми днями он полулежал на троне с подушкой под чешуйчатой спиной. А трезубец забыто валялся в зарослях водорослей.

Нынешний день, как и все прошлые, с утра не предвещал перемен, но неожиданно царь почувал движение. Вода-то всегда текла вдоль русла, река ведь, а тут — поперёк! Он встрепенулся, присмотрелся и увидел идущую прямо к нему Алю. Венценосец засуетился, пытаясь рывками выдрать трезубец из тины.

— Утопленница? — прищурился один глаз, без обиняков спросил царь.

Девушка помотала головой.

— Транзитом, значит... Здесь редко кто ходит. То есть никто. Ты — первая. И ты — попалась! Не выпущу. Спой мне песню.

Царь влез на трон и нетерпеливо поёрзал.

Кухарка грустно запела. Её никто не прервал, потому что песня, какая ни есть, — событие в реке неслыханное. К царскому трону сплылись и сползли все речные подданные.

Царь слушал, слушал и вдруг затрясся в рыданиях. Пленница удивлённо подняла на него глаза.

— Жи-и-изнь, — всхлипывал он, — жизнь протекает сквозь пальцы-ы-и!

Он показал девушке растопыренную зелёную пятерню, через которую струилась вода.

— А я, — продолжал стенать самодержавный страдалец, — так ничего стоящего и не сделал!!!

— Н-ну... Этому горю легко помочь, — сказала Аля. Самодержец перестал рыдать и с интересом воззрился на неё.

— Представляете, государь, в кои-то веки через ваше болото... Г-м... прошу прощения, через реку пешком прошёл живой человек. А ты взял и пропустил его, то есть меня, на берег. Поистине царское великодушие! Поступок века. Раздались аплодисменты подданных.

Что оставалось делать царю? Прекрасный случай прославиться. Второго может больше не выпасть. Владыка дальновидно решил не упускать случая и позволил Але выбраться на берег.

На дереве

Вышла Аля из реки, поднялась на взгорок и оказалась в небольшой роще. Только это я знаю, что рощица маленькая, а девушка не успела узнать, потому что ей на голову упала желудёвая скорлупка. Путешественница подняла голову, увидела белку и спросила:

— Можно у тебя переночевать?

— Конечно. Если влезешь.

Кухарка забралась на сучок перед дуплом и осторожно, чтобы не свалиться, кружилась и считала, как учила мышь. Всё сошло благополучно. Внутри дупла сухие мох и трава показались уставшей путешественнице мягче перины. Правда, сильно хотелось есть.

— Нет ли у тебя чего-нибудь пожевать?

— Есть, конечно. Держи, — белка протянула сосновую шишку.

— Не могу я такое. Неудобно семена доставать...

— Какая ты беспомощная! — с этими словами хозяйка раскусила для гостыи орех, а скорлупки швырнула наружу.

— Ой! — раздалось снизу.

Обе разом высунулись и увидели ежа.

— Вам больно? — спросила Аля.

— А вы как думаете?! — возмутился ёж и посмотрел вверх. —

О Боже!

Он тут же опустил голову. Не то чтобы испугался человека в дупле, хотя зрелище не частое, просто ежи не могут долго смотреть вверх.

— Извините, — сказала девушка.

— Чего уж... Как ты там оказалась, можно узнать?

— Послушайте, ёж! — вмешалась в разговор белка (она была строга и недоверчива). — Разве вы не знаете, что хорошо воспитанные барышни с незнакомцами не разговаривают?

— Тоже мне, барышни! — обиделся зверёк. — И где слов-то таких нахватались? Какие в дикой природе барышни-то водятся?..

— Хватит нас поучать. Идите своей дорогой, сударь. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, — вздохнул ёж и пошуршал прочь... На ночь белка укрыла гостью своим пушистым хвостом. Обе крепко спали и не знали, что им угрожала опасность: на

рассвете дупло навестила ласка. Несдобровать бы "барышням", если бы не Алины запахи. Человек для ласки всегда опасность, даже маленький. Охотница покорила близости и побежала прочь...

Утром белка ловко спустила девушку на землю.

Кружиться на четвереньках согласно мышиному заклинанию пришлось очень быстро, потому что на кухарку внезапно спикировала большая клювастая птица.

Девушка всё же успела вырасти, и птице пришлось резко взмывать вверх. Кухарка тихонько вздохнула, ей захотелось вернуться домой.

Але вовсе не надоело путешествовать, однажды она снова отправится куда-нибудь. Просто сердце переполнилось впечатлениями, а их лучше всего хранить дома...

Послушать кухаркины байки собралась вся семья. Дедушка даже принёс тетрадь, чтобы записывать.

Поверил ли кто-нибудь? Это не важно. Слушали её с радостью и интересом. А ещё накормили. В этой семье умели и любили вкусно кормить...

Что ни говори, приятно путешествовать, зная, что есть дом, куда можно вернуться, люди, которые ждут и будут тебя слушать, какие бы рассказы ты им ни приготовила...

ЛИСА И МЫШОНОК

На опушке леса в просторной избушке жил один мышонок. Раз помощников нет, то хлопот весной и летом хватало с избытком, знай поспевай. И дом-то к зиме подлатать надо, и дров припасти, и запасы заготовить.

Работающий был мышонок, что и говорить, только любил сладенького покусать. Потому большинство запасов в магазине и по домам в селе собирал: сахарок, печенье, конфеты. Так на это дело падок был, что глубокий подпол своей избушки одними сладостями доверху к холодам натолкал.

Пришла зима, да такая суровая, что из дому лишний раз носа не высунешь. Снегу-то намело! Потом морозы затрещали. Стало в лесу голодно. Птицы поближе к деревням ютятся: выжить легче. Олени и лоси в заказник двинулись: там сено в кормушки каждый день кладут. За ними, понятно, волки подались. Лисы тож.

Не все. Одна пронюхала, что на поляне мышонок живёт, решила его съесть. Решить решила, а поди достань из избы-то. Походила, поглядела, постучала по стенам: изба крепка, дверь заперта.

Стала каждый день наведываться. Вынюхивает, выглядывает, заодно в окна рожи хищные строит, зубами лязгает, жуть нагоняет. Потом ещё лапку к окну прикладывает, по стеклу когтями скрипит. Серохвостый знает, что дом крепкий, всё равно со страху трясётся и сладости от душевной слабости уписывает.

Однажды лисица явилась, заглянула и в ужас пришла: сидит серенький прямо напротив окна и ей, вражине, страшные рожи корчит: щёки надувает, глаза сводит, зубы оскаливает. Рыжая от окна отпрянула, к стене прижалась и глаза зажмурила. Кое-как размигалась, дух перевела, себе не поверила. Снова глянула. Мышонок корчи строит, ногами дрыгает, глаза закатывает! Рыжая так по стенке и съехала: "Бог ты мой! Он же ещё вчера меня боялся, дрожал осиновым листом! Может, не меня пугает?.. А кого?.."

Долго она в смятении пробыла, но всё же отважилась ещё раз в окно заглянуть. Вдруг малыш ка-ак кинется к двери! Лисичку охватила паника: "Ой! Он меня сейчас покусает! А что, с такого станется! Может, у него бешенство

какое-нибудь мышинное?!"

Заметалась бедная, к ограде бросилась, а мышонок со скривлённой мордочкой и отчаянным писком за ней побежал! Та и оглядываться не стала: некогда! Молнией в чаще скрылась.

Мышонок-то за ней только до поворота гнался, а там резко на болото свернул, к цапле. Много лет она там зимовать оставалась. Звери не трогали; она у них за доктора была и частенько от хворей спасала. Серенький к ней подбежал без страха, что съедят, потому как не до того ему нынче было. Смотрит на птицу жалкими глазами, вертится на одном месте. Цапля его ласково спрашивает:

— Что, миленький, зубик разболелся?

Советуются. Любой человек львиную долю чудес может совершить сам, для этого ему нужен всего лишь мудрый совет. А к кому за ним лучше всего пойти? Совершенно верно: к Доброму Волшебнику.

Разве животным нужны советы? — спросите вы. Ещё как! Это людям кажется, что у них полно проблем с собаками, кошками, птицами и грызунами. На самом деле всё гораздо сложнее.

Я встречала крысу, у которой было полно хлопот с хозяйкой. Зверьку очень хотелось попасть в кладовую за копчёной грудинкой. Дама пускалась на всевозможные уловки, чтобы помешать. А крысе приходилось разгадывать хитрые замыслы, дабы не попасться. Представляете, каково им было друг с другом?

Да разве только это? Морозы для птиц, намордники и ошейники для собак... Поверьте, в моих словах нет иронии. Просто мы редко смотрим на вещи глазами других. Но если бы мы это делали, у нас своих проблем убавилось бы. Согласны? Я так и думала, что мнения разделятся.

Вы интересуетесь: неужели ни у кого не появлялось желания присвоить себе волшебную палочку?

Появляется с завидным постоянством.

Но дело в том, что, кроме жуткой путаницы, ничего не выходит. Осчастливить одного себя, без близких, невозможно ни с чьей помощью. Исполнять желание бессмысленно, потому что на смену одному приходит другое заветное, третье... Пока тянется эта вереница, счастье почему-то не наступает.

А попробуйте палочкой для доброго волшебства сделать пакость соседу!

В нашем квартале расскажут, как пивовар подшутил над сыроваром. В результате получился сыр с запахом ячменя. В прошлом году этот сорт пришёлся по вкусу горожанам так, что вдоль магазинов вытягивались очереди за два часа до рассвета! К слову сказать, спрос на пиво упал...

Со временем начинаешь понимать: счастье кроется не в исполнении желаний и даже в таком простом деле, как колдовство, требуется изрядная сноровка.

Теперь вы многое знаете, и мне осталось предупредить вот о чём.

В нашем городе живёт Злой Волшебник!

Его не так просто увидеть на улицах, как Доброго. Изредка по вечерам кое-кто встречал его на площади, а вон та дама однажды ехала с ним в трамвае!

Маг всегда гуляет один, и будьте уверены, нигде не оставляет палочки. Но если бы забыл, то не многие вернули бы её хозяину. Закопали бы где-нибудь или выбросили в реку, и — прощай, зло? Хорошо бы, да вот беда: оно всегда возвращается обратно! Подозреваю, сколько разных "почему" заройлось в ваших головах!

Почему не арестуют, не запретят колдовать?

Видите ли, зло часто рядится в одежды добра. Выясняется это обычно тогда, когда арестовывать кого-то уже поздно.

И вот что странно...

Молочница из соседнего подъезда не хотела расставаться с раскрытым злом и кричала: "Оно послужило мне уроком. А с хорошими уроками я не расстанусь ни за что на свете!"

А знаете, что самое любопытное?

Зло бывает необходимо! Как для чего? Чтобы хорошенько ощущать вкус добра. Однажды Злой Волшебник уехал отдыхать. Добро тут же стало пресным и обесцветилось. Прохожие удивлённо спрашивали друг друга: добро ли это? Пришлось отзывать чародея из отпуска!

С того времени поговаривают, будто Злой и Добрый Волшебники — друзья. Лично я в это не верю. Впрочем, если у вас есть время, побродите по улицам, посидите на набережной или в кафе, понаблюдайте за нашими чудесными жителями. Может быть, вы сами многое увидите и узнаете.

Добро пожаловать!

ИВУШКА

Жили на свете две родные сестры. Старшая — девушка на выданье, младшая — ребёнок ещё, но ладили на диво.

Мать радовалась этому и огорчалась. Дружные дети — счастье, но ведь расставаться придётся: как они друг без дружки заживут?..

Пришло время старшей сестре замуж выходить. Парень из города свататься приехал. Жених видный: синеглазый, кудрявый, характер — золото и руки также, стало быть, жену не обидит и не обездолит. Невесте — любо, родителям — забота, а младшенькой — горе. Однако сосватали.

Бедная девочка оставшиеся ночки впричёт плакала, а мать по голове её гладила: подрастёшь, мол, у самой жених появится — всё образуется. Худо-бедно договорились.

Отшумело веселье, увёз муж молодую жену в город. Младшая будто осиротела. По вечерам к реке ходить полюбила: придёт на бережок, сядет и думает. О чём — Бог весть...

Немного времени прошло, девочка расцвела, в красивую девушку превратилась. Тихая, заботливая, на веселья с подружками не ходит, а замуж рано пока. Всё складывалось как надо, а вышло по-другому...

Как-то пропала она из села. Матери записку оставила, что, мол, в город отправилась по свою долю. О старшей сестре — ни буквы: к ней ли, нет ли? Искать не велела...

В городе увидела девушку одна хваткая вдова, к себе позвала, накормила, принялась печаль-судьбу вызнавать — ничего не сведала.

Видит, что девица серьёзная, у себя её оставила. Сама-то женщина пирогами на рынке торговала: напечёт спозаранку, продаст — тем и жила.

Тяжело одной, а с помощницей всё же легче. Пока одна первую выпечку продаёт, другая дома ещё стряпает. Приезжая ничего: торгует, не гнушается, деньги до копейки хозяйке отдаёт. И всё молча, с опущенной головой. Вдове-то какой в том урон? Дело делается, деньги идут, а в душу к человеку чего лезть? Захочет — расскажет. Так жили. Друг друга не обижали, но и не откровенничали.

Так-то девушка по рынку ходила, лиц не разбирала, вдруг слышит приветливый голос:

— У такой красавицы всю корзину купить — денег не жалко. С чем пирожки, милая?

Подняла она голову посмотреть, кто спрашивает, и пропала: раньше-то людей не больно разглядывала, а с этой минуты весь мир опустел. Стоит голубка моя, смотрит, как заморожённая, на молодого мужчину и ничего, кроме его голубых глаз, не видит, никого не слышит, а что спросил — забыла.

— С чем пироги-то, красавица? — улыбнулся мужчина. Может, он ко всем так, а девушке почудилось, что ей одной его

улыбка золотым лучом сердце погладила. Впервые после сестриной свадьбы хорошо стало. Улыбнулась она в ответ, корзину протянула: выбирай, мол, любой. Молодец выбрал два, заплатил. Потом корзину до дома поднёс, на прощанье рукой помахал. Он ушёл, а девушка наша стоит — как вросла...

С той поры она на рынке голубоглазого красавца только и высматривала.

Через время он ей опять попался, вспомнил. Как не вспомнить: милая, стройная, с пирожками. Много их, что ли, тут ходит? Кивнул — здрасьте, мол, дальше пошёл. Думать не думал, а к сердцу нашей пирожницы навсегда прирос.

Вдова-то поняла, что у молодой товарки зазноба появился, но смолчала. А что скажешь, коли человек сердцу не волен? Хорошо уже, что помощница душой маленько оттаяла.

Скоро красавец на рынке появляться перестал. Девушка молча, потом решила по улицам с корзинкой ходить: вдруг повстречает.

Ходила, за ограды заглядывала, для виду пироги купить предлагала. В одном месте услышала знакомый голос! Сердце так и зашлось. Заметалась девушка вдоль забора: как бы увидеть голубые глаза своего милого. Заглянула и обмерла! Ходит по двору её милый, на руках крепыша мальчишку носит. На крылечке — молодая женщина смеётся. Пригляделась голубка — ах ты, Господи! — её родная сестра!..

Где бедняжка свою корзинку потеряла — не помнила, как за город выбралась — не поняла. По дороге идёт, в толк не возьмёт, почему она жива до сих пор. Слезы нутро нестерпимо жгут, а наружу нейдут! Закричать бы — никак.

Побрела горемычная с пожаром и закаменевшим стоном внутри, кажется, наугад, а на самом деле в родное село. Спросил бы кто зачем — не ответила бы.

На воле-то лето разгорается, в роще соловьи любовь кличут, ветерок к деревьям ласкается, а наша страдалница ничего не слышит — оглохла, ничего не чувствует — омертвела, ничего не видит — ослепла.

Невесть какие силы её к материнскому порогу привели. Опустилась на крылечко и не вдруг поняла, что дом заколочен: померла мать.

Тут и заплакала сиротинка. На берег реки пошла, запричитала:

— Речка, реченька! Незачем мне жить на свете. Забери к себе!

Бросилась с обрыва, да в речку-то не попала. Чувствует: наклонилась к воде, косы да руки к ней простёрла, а упасть не может! Покрылось стройное девичье тело золотой молодой корою, пряди — нежными зелёными листочками. Смотрит голубушка в воду, а вместо себя деревце видит...

Деревце это люди плакучей ивой звать стали. Слез его не замечают, а душой чувствуют: поныне плачет-горюет девушка-деревце. Вот только о чём? О друге милом, о сестре ли с матерью, о своей ли горькой судьбе?..

ИМЕНА

На подворье жил ослик. Такой маленький, что имени у него пока не было.

Гулял он однажды по склону балки и увидел на камне ящерицу. Не особенно зелёную и с хвостом-обрубком. Понравилась малышу, и тот безо всякого стеснения принялся её обнюхивать.

Ящерица повела себя не по природному обыкновению: не стала юркать под камень, подняла голову и бодро воскликнула:

— Привет копытным!

Видя, что ослик отвечать не собирается, ящерица добавила:

— Это я говорю тебе "здрасьте", понял? У культурных людей так принято.

— А мы тоже люди? — удивился маленький ослик. Он видел их у себя на подворье. Они не были похожи на ящериц или осликов.

— Нет, мы — животные, — принялась разъяснять ящерица. — Но, как и люди, считаемся живыми существами. Значит, должны носить имя. У меня оно есть, а у тебя?

— Нет. Где его берут?

— Имя мы тебе придумаем. Главное, чтобы оно подходило.

— По размеру?

— По звучанию. Вот я, например, ящерица. Зовут Яша. Чувствуешь: "ящ"—"яш"... Возьми, к примеру, петуха... Есть у вас на подворье такая птица?

Ослик кивнул.

— Так вот: петух — Петя ("пет"—"пет"). Ещё: медведь — Миша, лиса — Лиза, волк — Володя. Понял?

— Понял. А как же я? — с надеждой спросил ослик.

— Ты у нас кто? — деловито спросил Яша и тут же ответил: — Ты у нас ослик. Значит, Ося. Нравится?

— Нравится! У нас на подворье гуси живут. Как их назвать? Яша поскрёб лапкой верх головы и ответил:

— Гусь... М-м-м... Густав. А гусыня — Августа. В этих именах есть "гус".

Увлёкшись, Яша стремительно вскарабкался на голову Осе и воскликнул:

— Посмотри на луг. Видишь там коня? Это Кондрат. Вон коза-м... Козетта. Французское имя. А козлы, те — Козьмы...

— Ишь ты! — восхитился Ося.

Яша был в ударе и мог ещё говорить, но ослик неожиданно потерял интерес к беседе, потому что захотел кушать...

После обеда он решил поразмышлять над тем, что узнал, и мысли его удивили.

Во-первых, малыш не мог подобрать имена корове и овцам, а спросить было уже некого: зеленоватый друг юркнул-таки под камень.

Во-вторых, он вспомнил: коня, по-яшиному Кондрата, хозяин запрягал в телегу и повторял:

— Тпру, Орлик. Малыш озадачился:

— Что бы это значило? Если имя, то которое из двух: Тпру или Орлик? Кто ж тогда Кондрат?

Ося погрузился в поиск ответов и не сразу понял, что его зовут:

- Ушастик! Я тебя полдня ищу. Пошли домой.

Хозяйская девочка Евдокия ласково потрепала его холку, почесала между ушами и попыталась повести за собой. Но ослик не пошёл, потому что уже привык к своему имени и не мог взять в толк, почему Евдокия зовёт Ушастика, а домой тянет его, Осю. Он принялся возражать:

- И-а! И-а!

Девочка поняла его, как могла, но не так, как хотелось ослику. Правда, ссорились они недолго. Доброта победила упрямство. Они вместе вернулись на подворье.

Из окошка сарая ослик видел, как соседка стегала хворостиной Козетту, не желавшую, наверное, возвращаться домой под именем Нюрка. Многочисленная же компания заносчивых Густавов и Август всё ещё полоскалась в пруду, переключаясь на малопонятном, противно звучащем наречии...

Из-за недоразумения с именами за осликом закрепилась слава мыслящего, но упрямого животного...

ЧАЙКА

Давно, баят, встретились три могучие стихии. Заспорили, кто сильнее.

— Я, — говорит Небо, — рождаю ураганы, которые сминают водную пучину в тяжёлые складки, вращают валунами земной твердыни.

— Нет, — возражает Океан. — Я властелин над вами. Облака и туманы — моя влага. Точёные прибрежные скалы — моя работа.

— Не скажи, — усмехается Земля. — Главнее-то вас я буду. Бьют меня в грудь ураганы да океанские волны, а я чем была, тем остаюсь. В моих котлах, Океан, лежишь, ко мне, Небо, тянешься. Я — мать человека. Не любимо мной это дитя, но погодите, оно ещё по-бороздит волнам хребты, потаскает за длинную гриву ураганы.

Спорили, спорили, рассердились да ка-ак сшибутся! Полетели в разные стороны их осколки и тут же чайками стали.

Родились от трёх непримиримых соперников, а жить без них не могут. Чайке без неба, как человеку без свободы, какая жизнь? Мука одна. Кормиться она летит к океану, а птенцов выводить — на берег. Так-то...

Место, где боролись стихии, обозначилось узкой прибрежной долиной. Впереди — океан, позади — горы, сверху — тяжёлое серое небо. Нет покоя этой полоске: сотрясают её обвалы и лавины, бьют наотмашь шторма и тайфуны.

Однажды поселились тут рыбацьи племена. Тряслась в гнев земная твердь, рвали на себе волосы ураганы, бесновались тайфуны, а не прогнали людей с берега. Чем только держались люди за ту беспокойную землю! Да ещё умелыми мореходами оказались. Затаили стихии обиду на людей.

А чайки рады: "Видно, они сродни нам. Будем им во всём помогать".

Однажды пошла девушка в сопки по ягоды. Земля щедротами да красотой её высоко в горный лес заманивает. А Небо и Океан туманом путь застилают. Спихватилась красавица, испугалась: кругом густо заволокло — протянутой руки не видно! Как вернуться?

Вдруг слышит: чайка кричит. Обрадовалась и поспешила на её голос. На берегу встретил девушку молодой рыбак. Искала она дорогу к отцу с матерью, а нашла свою судьбу: стала женой рыбака. Чайке спасибо.

Рыбак вскоре на промысел вышел. А жена с высокого берега в океанскую даль смотреть стала. Щемит сердечко её тоска: уж больно тревожно чайки

стонут.

В назначенный день муж не вернулся. Просит рыбачка Землю, Небо и Океан вернуть ей любимого. Но не хотят они помочь бедняжке.

Позвала женщина чайку: "Милая чайка! Когда-то спасла ты меня в горах, спаси теперь моего мужа. Полетай над Океаном, покличь. Укажи ему путь".

Лодочку-то рыбака шторм накрыл. Всё смешалось: воздух и вода, верх и низ, день и ночь... Швырял Океан судёнышко из стороны в сторону, будто переливал вместе с водой из одной могучей горсти в другую. Держался отважный мореход вначале как мог, потом из последних сил, а дальше и вовсе не помнил, что было.

Через время Океан изнемог и стих. Очнулся рыбак от того, что вроде оклик вдалеке услышал. Птичий ли, женский?.. Вспомнилась ему жена. Решил, что бы ни было, домой вернуться и повёл лодку в ту сторону, где голос слышал. Через время крик повторился. Чайка!

Вкатилась в измождённое тело рыбака неведомая сила и несла волной до родного побережья. А на берегу покинула. Обессиленный борьбой и голодом, рухнул он в объятия любимой и крепко уснул.

Обнимает женщина милого, а чайка кружит над ними, радостно возглашая победу над суровыми стихиями.

МИНИАТЮРЫ

САНЬКА

Саньке работать невыгодно: алиментов ему суд насчитал горы. Неофициально, конечно, можно бы, но какая-никакая красота пропадёт, время драгоценное потратишь.

Он сравнительно молод, красота и время для него ценность. Среди коршей-пьянчуг смотрится цветком. Иногда от него пахнет не только самогонкой, а и женскими духами. Материными. Чтобы быть приятным мужчиной.

У Саньки целых три подружки: две вдовицы, одна разведёнка. Последняя краше других и моложе. Но беднее. Потому он предпочитает вдовушек. Те старше, но ради него держатся. И состоятельнее: с самогонкой, огурцами, салом. Разведёнка — только с любовью. Она однажды бежала к вдовицам босиком по стыли драться за Саньку. Теперь, думаю, жалеет. А может, старается не помнить?

Он-то всё равно предпочитает тех. Как они мирятся? Как Саньку делят?..

НАДЯ

Надя сидит в профиль. Старается разговаривать, не глядя на меня, то есть не дыша. Она несколько дней назад "поднялась". Это надо понимать так: вышла из запоя. Надеется, что я не знаю о её беде. Я знаю, но беседую как ни в чём не бывало.

Исподволь вглядываюсь в черты Надиного лица. Ничего не нахожу. Где они? Где следы тех страшных её состояний, свидетель которых — вся округа?.. Надя хороша собой и спокойна, разговаривает о житейском просто, иногда смеётся.

А мне страшно: как долго ещё её человеческая природа будет успешно скрывать тяжелейший недуг? На сколько лет или месяцев хватит запаса физических и психических сил, чтобы выносить женщину из пьяного небытия в спокойное, осмысленное состояние? Сколько оно будет длиться: месяц? неделю? пару дней?..

Поговорили малость — и ладно. Надя уходит: некогда. У неё большая семья: работающий муж, двое детей, мама, братья... Но нет ни одного человека, кто со всей остротой понимал бы, что Надино время кончается, а этого никак нельзя допустить...

ПОМНЮ

Помню, как в деревне пекли пироги.

От долгого лежания в запасниках души эта картина утратила свою предысторию — как бабушка замешивала тесто.

Мои воспоминания начинаются с того момента, когда она выкладывает кисло пахнущую тёплую массу на покрытый клеёнкой стол. Подсыпает муки? Домешивает? Наверное.

Зато я отчётливо вижу упругое мягкое тесто, издающее под нажимом скалки тихий вздох и потому схожее с живым существом. Рядом на табуретке —

большой противень.

Готовится сладкий пирог, с вареньем. Он открытый — "зарешеченный" сверху полосками теста.

Нам, детям, поручается лепить булочки. Незатейливых "голубков" с пышным телом и маленьким клювиком.

Потом всё смазывается яичным желтком.

Каким образом противни оказываются в разогретом чреве русской печи — не помню, но сама печь — чудо чудесное! Зев её полукруглый и красный от угольев внутри.

Печь — госпожа бабушкиной избы, стоит посередине жилого пространства и делит на три помещения: чистую, всегда убранную комнатку с крашеным полом, наполненную половиками и вышивками; вторую, тёмную и маленькую, с лежанкой и длинной плитой — царство хозяйки, и третью, столовую и гостиную одновременно. В этой третьей части и проходит основная жизнь дня. Тут зев печи, столы, иконы в углу и рукомойник у входной двери...

Пироги готовы. Кислый запах дрожжевого теста сменяется сытным ароматом свежеспеченного хлеба. Вот румяный "решётчатый" пирог, вот "голубки" с рыжими боками! Горячие, незрелые на изломе, с молоком, они — замечательное деревенское пиршество, счастье для маленьких девочек, ради которых всё это и затевалось.

Сколько лет мне тогда было?..

ДЕРЕВНЯ

Думаю, у каждого в жизни своя деревня. Один в ней родился и рос, другой отдыхал у бабушки в каникулы, иные ездили туда работать со стройотрядами.

Мои деревни разные: в летние каникулы, в осенние студенческие рейды, потом житьё-бытьё там со своей уже семьёй. Есть что сравнивать.

Детская не такая, как взрослая.

Память о деревне детства хранит простые и вместе с тем необыкновенно одухотворённые воспоминания. В ней всё мило и всегда лето. Ближнее поле, напрочь голубое от цветов льна... Подальше и позже — ярко-синий люпин, тоже целое поле... В саду смородина, крыжовник, а ещё — яблони, которым неведомо держать ветки кверху! Огруженные красноватыми плодами, они полукругом опускаются до травы, так что иное деревце похоже на витиеватый вензель.

Между вишен — колодец. Ух и ломит же зубы студёная вода!..

Летом, когда печи дела не было, сооружённое на улице из гранитных валунов подобие плиты день-деньской исходило аппетитными парами. Сваренная на этом каменном чудище картошка была вкуснее всех разносолов...

И утренняя суэта, и могучая русская печь, белёные бока которой, тут же и стены трёх комнат избы, и долгие дни — всё бело, всё радостно, всё чисто. Нет ничего, о чём вольно и невольно узнаёшь, взрослея, от чего иной раз бывает стыдно и больно за свою деревню.

ПРОХИНА

Прохины слыли горькими пьяницами.

Мать Надька, по-другому в деревне не зовут, с сыновьями, дюжими

молодцами.

Много о них в деревне говорили стыдного и смешного. Притча во языцех.

Однако держали они двух коров, пяток овечек да сколько-то курочек.

Обряжались незнамо как...

В избы Надьку звали охотно. Она отменно вязала. Бабушки для внуков заказывали. Носочки — своим уменьем, а кофточки, свитера, костюмы с узорами, да вывязкой, да с ажуром — так Прохиной.

Был у неё некий "кодекс чести". В деревне говорили, совесть. Ежели заказ приняла — сделает. Пьёт не пьёт, а принесёт вовремя. Это уж как Бог свят.

Придёт: лицо одутловатое, глаза потухшие, а костюмчик выложит — петелька к петельке. Изловчалась...

Однажды Надька у нас в избе сидела. Вязания бабушка в тот раз не заказывала, а просила её хлебца испечь.

Про те хлеба тоже легенды ходили.

В оговорённый день приносит.

Глядим, дети, на огромную чёрную ковригу во все глаза. Блестит, кисло пахнет. С рук на руки принять — тяжёлая. И по-живому тёплая, как младенец спросонья.

Бабушка хвалит, а нам попробовать интересно. Отрезали. Получилась длинная, что лодка, краюха. Одной рукой не удержишь. Мякина у неё плотная, с маленькими дырочками.

Чего так есть? Давай с мёдом. Кисловатое со сладким во рту перемешивается — ой, вкусно! Потом с солью, с парным — самая еда!

Женщины умильно посмеиваются, глядя на нас. Ну, соседка, уважила!..

С тех пор я такого хлеба не едала. С мёдом, молоком — всё не то. Не прохинский...

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Алка. Покинутая душа... Мать её, Лариса, — тоже.

Одна обожает котов, а вторая даже себя не любит.

Когда Сергей и Лариса с кукольно милыми Леной и Аллочкой появились в посёлке, соседи не могли налюбоваться. Хороши детки: папины карие глаза, локоны-спиральки, воздушные платица, ажурные шляпки — ну просто две маленькие барышни с открытки...

Теперь семьи нет. Есть судьбы, как шрапнелью издырявленные по сей день сочащимися обидами; хромые, увечные души, крохоборное прозябание.

Пока жила бабушка, семья кое-как лепилась. Когда умерла, склеивать оказалось некому, потом нечего...

От пьянок муж жену не удерживал — сложно. Даже лучше, что пьёт: с помощью зелья можно уговорить на что угодно. Безбожно простым способом он уломал жену отдать ему двухкомнатную квартиру и разделить детей: старшая — папе, младшая — маме... Расстались: муж — в удобном городском жилье, жена — в однокомнатной с кучей проблем...

Алка росла заполошной, неуёмно крикливой. В посёлке прозвали оторвой. С теми, кто ей по душе, разговаривает нервно, отрывисто, заходится частым смехом. Но такое — редкость. Она всегда готова дать отпор всем на свете. И даёт. Впрок.

Однажды старенькие соседки, не поднимаясь с лавочек, пытались

заступить за бесчувственную Ларису. Дочь тянула её с гульбища домой.

Девушка свалила мать, как тряпичную скатку, под забором палисадника, воткнула в бока худые кулачки и так отбрила жалостливых бабок мужицкими иносказаниями, что белые благостные платочки подхватились по квартирам. И притаили щекочущий интерес к маме с дочкой под стенами. Надеялись услышать продолжение с должными "спецэффектами": криками и стонами избиваемой Лариски.

А мне прислушиваться не надо, у нас общая переборка, старая, никакой звуковой защиты.

И слышу: что такое? Алка нежно курлычет!

Истеричка, которая только что заливалась отборщиной, словно это был её родной язык, разбрызгивая пену на жалельщиц! С кем она? С любимыми котами?..

— А вот мы мамочку на диванчик... Оп-па! Давай с ножки босоножки снимать: и р-раз, и два... Где наше одеяльце?

Ах, Господи! Девонька ты моя! Откуда в тебе, давно не выдавшей понюшки человеческой любви, нежность и ласка, не требуемое людьми душевное тепло?

Догадываешься ли ты сама о них? Почему ищешь этого для себя у многих мужчин едва не с шестнадцати лет?..

Я притихла, не стыжусь подслушивать. Вспоминаю маленькую кареглазую барышню, которая и сейчас живёт в худосочной, замотанной неприбранной жизнью девушке. Знаешь ли ты себе цену, Алка?..

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Смотрю с площадки вниз, словно парю над крепостью. Слушаю. Ай, как переливчато, колокольно звонят! Кажется, и не там, в позолоченной неразберихе куполов, а в груди у тебя...

Внизу, под стенами, ходят разноцветные человечки — паломники и туристы: местные, приезжие, русские, иностранцы.

Чёрные шахматные фигурки — хозяева обители. Они проходят не озираясь: мирское суетно (похоже на "сиюминутно"). У них всё своё: время, жизнь, борьба...

А уж вокруг-то — благодать! Цветники, парковые уголки, гранитная брусчатка, лесенки и переходы — не рай ли земной?

Расхристанность вседневной жизни, бесприютность нашего многоэтажного бытия заставляют сомневаться в правдивости того, что видишь. Невозможно, чтобы где-то на земле было так красиво.

Но есть. Здесь.

Во всём — имя Божие. Всё создавалось с ним на устах и в мыслях. Оттого сквозит оно в каждой цветочной головке, в каждом любовно обихоженном кустике...

У монастыря своя история. Да ещё какая! Героическая, победная, как гул колоколов, а вовсе не робкая, тихо-молельная.

Великой кровью достался он Московской Руси Ивана Грозного. Но как был крепостью державы и слова Господня, так и остался.

Зарился на него польский король Стефан Баторий с несметной силой. Пробил могучие стены, ринул в проломы полки, а не покорились монахи. Пришлось отступить. Навсегда. Как и шведам позднее. И многим ещё...

Это — Русь. Та самая, коренная. Она и выросла в меня живучими, живительными корнями, с нею я — есть, а без неё не было бы.

Каждой жилочкой чувствую связь с этой древней землёй, историей, характером.

Горжусь,

преклоняюсь,

люблю...

ЯПОНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Вопреки всеобщему взрослому мнению о подростках Вадюша рос незлобивым и нелюбопытным. Никогда ничего не хотел.

Он был худ и нескладен. Угловат, говорили учителя и мама.

Мальчик иногда смотрел на своё взросление в зеркало и не понимал, что значит "угловат". Но подозревал: не понимают и те, кто это слово к нему приспособил. Поэтому рос без тревоги за внешность. Спортом не занимался, не ел как следует, одевался во всякую всячину, становясь ещё более неказистым.

Подчиняясь неписаным законам молодости, Вадюша старался жить как все пацаны. Слушал забойную музыку, "сленговал", топтался с курильщиками за углом колледжа, хотя сам не курил. Не мог. Делал это он без мало-мальского интереса. Так же и учился.

Сегодня ему почему-то особенно не хотелось париться на занятиях, и он прогуливал. Катался "зайцем" на автобусах по городу.

Ну и что ж, что попадётся. Сто раз ловили — обходилось пустяками.

Надев наушники и засыпав за щёку полпачки "стиморола", мальчик качался на средней площадке "шестёрки" в такт не то музыке, не то ямкам на дороге.

Неожиданно — и это было не в природе парня — его внимание зацепила какая-то возня на сиденьях.

Он протискался поближе и стал вникать.

Впереди сидела сочная брюнетка в белом костюме. За ней расположилась молодая мама с сыном лет примерно четырёх.

ЛЕДОХОД

В нижнем течении лёд на Великой весной взрывали.

Она катит воды с юга на север. Стало быть, вверху вскрыется раньше и подопрёт. Затопы будут. Беды наделают.

Весна смурная. Небо и так обвислое, а волокна тумана, словно пряди клокастой бороды, с него ещё ниже спадают. Люди видны наполовину снизу. Снег устал лежать, скатался в стеклянные шарики — крупку.

Сбегаем с лекций глядеть ледоход. Идём на набережную.

Первая картина увлекает: задние льдины дыбятся и падают на передние, с треском кувыркают их в воде, вздымая фонтанчики. Потом идут сплошным потоком: просветы между большими кусками забиты кашей. Иные с краю общей давкой выталкиваются на пляж. Он завален глыбками.

Сидим на скамейке. Дрогнем. Уйти нет сил. Скупой пейзаж притягателен. Краски — белое и свинцовое.

Тёмная, как густая кровь, вода идёт тяжело, неотвратно. Колонна льдов редее. Обломки плывут медленно, мерно, не обгоняя и не топя друг друга.

Смотрю на реку, кажется, что сама Лета катит мимо меня дни и годы. Что там, на другом берегу? Какие временные поля?

Полетать бы ещё, посмотреть сверху в тёмную глубину реки — что видно? Отразились ли в ней битвы и волхования кривичей? Колеблется ли между льдин гибельная для немцев сеча на Чудском озере? Дрожат ли ещё блики пожара, в который с вихрем искр и гулом осел Троицкий собор?.. И что впереди? Ведомо ли кому...

На ледяном плотике едет чёрная, как головня, ворона. Она стоит

неподвижно, зорко воткнувшись глазами и клювом в туман. И возможно, лучше нас понимает важность движения в будущее, потому что она там, в воде времени, а мы примёрзли к берегу...

В Японии есть праздники любования цветением вишни, восходом луны, рдением клёна. У русских нет. Но может быть, ледоход — как раз такое событие?..

Можно глядеть неотрывно на реку и незаметно начать всматриваться в себя. Интересно, что найдёшь?..

ВЕЧЕРА

Вечера стоят великие в своём покое! Тишь безупречная, а если пробегает дождь, то и прозрачная.

Небо — в красках абсурда; облака — сиреневые, лиловые с обожжёнными краями, серые, жёлтые и розовые одновременно! По форме они тоже разные: кучи, перышки, ещё какие-то фантастические формы, не нашедшие подобия и названия в воображении человека. Не однотонна и голубизна в проёмах между горами и громадами: где бледнее, где ярче. Попробуй опиши этот небесный натюрморт достоверно!..

Воздух недвижим. Только по тому, что вдалеке, в травяном море, толчками, как поплавки, перемещаются по пояс утонувшие фигурки людей, понимаешь: время не остановилось.

МОРЕ... Балтика

Я увидела его в окрестностях Калининграда.

Январское Балтийское море ошеломило. Темное, какое-то дымное, зловещее небо вплотную притиснулось к ещё более тёмному морю, не столько зловещему, сколько тревожному, готовящемуся к чему-то важному, возможно, непоправимому.

Вдали (насколько позволяло небо) море казалось спокойным, вблизи — бунтовало: поднималось и выплёскивалось ударом в снежный грот, на вид плотный. Но мы не решились ступить на него и посмотреть вниз, в волну...

Всё кругом серое. Разница только в оттенках: небо пепельно-серое, снежные купола и гроты на побережье — бледно-серые. Море тоже серое, с металлическим оттенком...

Описана унылая картина. Сейчас. Тогда же огромный, тяжело нарастающий вал воды, с грохотом вкатывающийся под берег, столбы брызг, взмётывающиеся ртутными веерами, наполняли меня, как пустой до того времени кувшин, восторгом.

И, быть может, страхом?..

Чёрное

Судак.

Перед глазами внезапно распахнулось море.

Помнится даже и не вид самого моря, а голубое небо в проникновенном поцелуе с бирюзовой водой. Черта горизонта теряется в такой же голубой дымке, потому не видна. Из-за этой размытости очертаний кажется, что море медленно переливается на небо или небо — в море, и значит, край света — этот жёлтый берег с серой, хмурой, будто невыспавшейся зубчатой крепостью и белыми домиками под оранжевой черепицей.

Цвета побережья — нереально яркие, без полутонов, как на картине неумелого художника.

Всё залито болезненно лучистым солнцем.

Над бездной

Немного спустя автобус вёз нас с детьми в Геленджик по дороге на горном склоне, открывающемся к морю. Вид грандиозной голубизны внизу сразу же безраздельно захватил внимание на весь путь; никто не помышлял смотреть на что-то иное, кроме моря.

Почему большинство людей так воспринимают его впервые? Генетическая, древняя память? Или ощущение его как чуждой, враждебно-таинственной и потому неодолимо влекущей к себе пучины, поражающей размерами?..

Волны

Самолёт довольно уже поздним вечером оторвался от взлётной полосы Фрунзенского аэропорта и набрал высоту...

Какое-то время, пока не стемнело кромешно, летели над горами. Я вдавилась лбом в окошко, чтобы в уплотняющейся темноте видеть ещё более тёмные волны — гребни гор. Они удивляли размахом высот и тем, что так разительно были похожи на шторм с картин маринистов. Казалось, горы действительно движутся, бушуют...

Они в самом деле движутся и бушуют, только в ином, непривычном и до конца не понятном человеку ритме.

АВГУСТ. В ПУТИ

Утро начиналось серым, прилипшим к земле небом, сырым холодом и вязким туманом, а потом разгулялось.

Поднялось небо, заголубело, выпустив солнце. Я погрелась, пощурилась и вздохнула: лето ещё.

Кругом зелено, а нет-нет да и попадётся глазу пегий ёжик полей, стожки под навесами и клеёнками, пустые истоптанные огороды.

Грустно: осень близко...

Едем. День раскипается лучистый, мягкий. Но эта ласка уже не летняя. Она напоминает запоздалую нежность хворого деспота, которому умирать...

Через пару часов высохнет сырой и грустный аромат скорой осени. Но он пока есть. И тревожит, как запах новой желанной вещи, ещё не ставшей твоей. Как сложится? Будет ли лучше, чем сейчас?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы с Галей возвращались. Солнце. Птичий свист. Тепло. Увидели тропинку и не смогли удержаться. Она так неодолимо вела в сосны, что казалось, только туда нам и надо. Пошли.

Сосновый лес, прорезанный лучами, был полосатым: светлые участки перемежались с тенями от стволов и кустов. Ощущался душный запах сосны в

солнце, словно орехов в меду. Фотографировали каждый миг всё подряд, потому что любой шаг казался красивым, наполненным особым смыслом, глубиной. В природе вообще нет понятий "красиво" — "некрасиво", "эстетично" — "неэстетично". В ней всюду — красота, эстетика, во всём глубина и смысл.

Во всём, кроме смятых жестянок. Железная дорога и та имела смысл, даже не противоречащий природному: жизнь — движение — путь. А банки — нет. Это слишком вразрез. Нынешние молодые люди ходят в лес пить пиво. Во мне нет ничего связанного с этой пенной влагой, поэтому не знаю, какая в том романтика...

Для нас с Галей любой клочок был памятной фотографией. Вон к той раздвоенной сосне мы, ещё малышки, ходили играть с игрушками. Позже большой компанией на поляне сражались в волейбол. И потом, выпускники, гуляли по лесным грунтовкам и не могли нагуляться...

Сосны, наверное, тоже многое помнят. Молча. Нет такой силы, которая умолила бы их о чём-нибудь рассказать. Они сами могут заставить душу вспоминать забытое...

А нас, тех, юных и чистых, они помнят?

Обязательно, думаю, помнят, не по внешности — по душе. Мы сильно изменились за время, которое не виделись с лесом. Но внутренне — и под сенью знакомых деревьев это становится ясно — почти ничуть...

Нашему лесу очень идёт солнце, как идёт влюблённому его чувство. Солнце светит и греет так, как будто сосновый лес — его единственная любовь на все времена. Не сиюминутная, испепеляющая страсть, а именно на все времена. Мягко и щедро, боясь причинить боль и благословляя...

А потом пришла память о людях. Тех, которые ждут в посёлке неподалёку и волнуются оттого, что понять не могут, куда мы с Галиной запропали...

Лес ушёл с нами как воспоминание, как медаль медового цвета, приколотая на внутреннюю сторону груди.

УТРО

Нет ничего лучше утра. Пока ещё не слышно нарастающей какофонии шума листвы и птичьих голосов на фоне неопишуемых, каждый восход разных небесных красок. Рассвет ещё только угадывается в развидневшейся ночи. Природа спит в таком могучем бездвижии и безмолвии, что кажется, никто и ничто не способно прервать этот сон.

Туман на склонах подстилает кусты снизу наполовину, а в логу укрывает заросли с головой. В этом неподвижно висящем водяном дыме угадывается присутствие какой-то тайны. Люди не ломают над ней голову, а просто понимают: день будет без дождя.

Из-за росы трава в иных местах кажется голубой. Не серебристой или сизой, а именно голубой. Видя это, неожиданно открываешь, что умеешь удивляться простым вещам, что роскошью и благополучием большую часть жизни называла совсем не то, в чём на самом деле нуждается человек, который из окошек моих глаз смотрит сейчас на всё это великолепие...

И благодаришь людей за то, что они до сих пор не нашли средство испортить этот благой миг.

ДРЕМУЧАЯ ДОРОГА

С попустительства человека жизнь в этих местах неумолимо наступает на дорогу.

До проезжего полотна обочины завоёваны подорожником и ромашкой, не знающими страха за себя. За ними напирают дудник с репейником.

Дальше тремя ступенями поднимаются леса. Ниже и ближе к дороге — ольха с ракитой, над ними — берёза с осиной и елью, а выше всех в облака глядят одни только сосны...

Дрожкая, ребристая дорога повернула. Лес на её изломе протискался вплотную к асфальту, наступил на пятки траве и едва не сомкнул кроны в арочную галерею.

Иван-чай с любопытством заглядывал в окна редких автомобилей, ёлочки несмело протягивали растопыренные ладошки, собираясь путешествовать автостопом.

Ещё за одним поворотом подлесок пропал. Сосны отскочили от дороги в мягкие мхи. Погрузились в них, будто стали на колени, счахли, задумались, открывшись солнцу.

Светло, а не радостно. Начались болота...

ОТЕЦ ПЁТР

Издавна люди в нашем селе отучались Бога помнить, молиться. Отучились.

Когда построили Свято-Никольский храм, народ сновал вокруг да рядом, слушал колокол к вечерне, а не входил.

Соседка пошла. Рассказывала, что священник в пустой церкви службу ведёт. На первые крестные ходы по-детски открыто глазели. Нет чтоб перекреститься...

Потом-то пошли. Да как! Из соседних сёл начали толпы наезжать. Свои — подавно. Даже те, кто прежде во сне не помышлял. Святили куличи и воду, деток крестили. И то сказать, действия непривычно-праздничные, занятные.

Одно Крещение чего стоит. Зябкий ветер, у батюшки руки нестерпимо пунцовые, голова не покрыта. Вода холодная, жгучая, по рукам течёт. Смотреть жалко. А он-то и виду нет, что мёрзнет: движения верные, без дрожкой спешки, голос ровный, сильный. Люди довольны и благодарны.

Так село и приняло в свою жизнь светлоголового молодого бородача с женой Настей, тоненькой, как тополёк, женщиной, которую матушкой-то назвать можно только шутя. Однако звали. По чину.

Всё завертелось вокруг этой пары, как потом выяснилось, отцом Петром же заведённое. Едва не каждую неделю рисовались новые чёрточки его служения.

Выросла вокруг храма чугунная витая ограда. Задрожал липкими листочками парк, запестрели цветники. Начали они с Настей вдвоём разбивать, потом уж сельчане помогли. Это полдела: ещё пришлось посадки от сельской живности защищать, пока наши не привыкли сами коров и гусей подальше от парка гонять...

С зимы батюшка долго и много хлопотал по церковному хозяйству. Носился в город и обратно, вспыхивал между рабочими тут и там чуть ли не в одночасье — выхлопотал-таки ночную подсветку, сказочную еженощную

картину. Теперь, как едешь к нам ночью, издали Никольский храм светится, оттого кажется, что не на земле он. Парит, зовёт благоговейно поднять руку для крестного знамения...

Ближе к лету встретила я отца Петра с рюкзаком. Вокруг суетятся, пронзительно чирикают ребяташки, как стая весенних воробьев. Оказалось, давно уж в воскресную школу при храме слетаются. Нынче решились на выезд по святым местам. В Карелию.

Беседовать с пастырем — удовольствие: говорит сдержанно, просто, отвечает прямо, без обиняков и спрашивает так же.

Другой раз, в окно вижу, со спортивной сумкой размашисто шагает. В школу. Рукопашному бою местных сорванцов обучать. Вот уж зрелище...

А на Николин день праздник затеяли.

Из сельского клуба музыка разлетается. Дети нарядные бегают. Шары, цветы, ленты кругом.

В густо гудящем зале Петров отрывистый басок распоряжается.

Началось. Матушка с девичьим ансамблем песни поют, играет музыкант из соседнего села, малыши читают стихи, окружная власть вручает подарки многодетным. Библиотекарь рассказывает об истории села, о Николае Угоднике. И ещё многие так или иначе вовлечены... Праздник выметнулся на улицу: широкое гулянье.

Вот, значит, как батюшка всех нас исподволь объединил общим радением во имя Господне. Изменил нашу бытность и сам стал её частью. Куда ни посмотри — везде он.

Вскоре после праздника я переехала и целый год не слышала о нём. Однажды узнала: переведён в другой приход.

"Уж как он не хотел, как сокрушался. Привык к нам", — говорила Валя.

Но, думаю, не такой Пётр человек, чтоб служение Всевышнему к месту на земле привязывать. Где бы ни служить — Богу же...

Как сокрушался — и вовсе никому не ведомо. Он болтовни не жалуется.

ЯЗЫК

Человеку трудно оценить музыку родного языка. С младости мы учимся только смыслу. Почти всегда называем красивыми слова с приятным значением: любовь, ромашки, радость... Грубозвучия не замечаем. Таков "авторитет" смысла. В оде и повести.

Что напишется, если опереться только на красоту звучания?..

Совсем другое — незнакомый язык.

Немецкий кажется лающим, испанский — раскатистым, гавайский — певучим. Грузинский из-за обилия согласных кажется громким и гулким. Как эхо камнепада в горных ущельях...

А что же поэзия? Что в ней: смысл? напевность?

Владимир Маяковский. Рваная, хлёткая мелодика. Голый, могучий смысл...

И вместе с тем Есенин. Какое журчащее слово: ху-ли-ган! Как ручейно переливается "пиано" первого слога в "форте" последнего! Одно слово и — целая песня! Поэт — певец... Только в Рязани ему и родиться.

Рязань... Слышится звяканье монет в горсти бесшабашного купца-удальца, дрожь девичьего мониста, трель бубенцов под дугой, колокольный перезвон в праздник. Рязань — ярмарочное многоцветье...

Имя другого русского города — Псков. По-старославянски — Плесков. Слово — плеск речной волны в берег, швырнутая горсть песка. Краткое и суровое. Скупое и нежное, под стать здешней природе...

"Дочь" предостерегающе шипит. "Сын" по звучанию — ничто.

Но мелодика меняется, стоит прибавить звуков: доченька, сыночек...

И всё же смысл...

У каждого народа есть под спудом нечто, что не выразить своим языком, можно лишь чувствовать. Зато в других найдутся слова, которым это по силам. Насколько же одарённые те, кто говорит на нескольких наречиях...

СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН

С каждым днём они всё больше друг другу нравились. Объяснялись пока без прямых слов, чаще взглядами, сблизиться не спешили. По разным причинам. Стеснительность была лишь последняя из них, поверхностная.

Шло время, желание прикоснуться друг к другу становилось уже мучительным. Но они понимали, что прикосновение не потушит их взаимной тяги. Напротив, разожжёт её, и кто знает, что тогда сгорит в этом пламени. Скорее всего, всё. Обоим было чем дорожить...

Однажды в их отношения вмешался случай: беря протянутый ластик, её пальцы коснулись его ладони. Ни слова не говоря, он притянул её к себе и поцеловал...

Очнувшись, они растолкнулись, как будто действительность обожгла их. Быстро, почти бегом он вышел из кабинета.

До конца рабочего дня она смотрела в мокрое от дождя окно: думала, что теперь будет. И дома думала. Весь вечер...

ДРУГ ДЕТСТВА

Вадим...

Нестойко колеблющийся и серый, как столб дыма в безветренную погоду. Не поддаётся движениям только лицо. Оно составлено из неровных кусков самого же себя, неточно состыкованных врачами или временем. Поздние шрамы чуть розовее первых.

Две большие рыбки глаз непоправимо подёрнулись мгlistой поволокой. Смотрит, смотрит двумя параллельными лучами не то пристально, не то рассеянно. Что он ими видит?

Оказалось, меня разглядывает. Узнал. Мыкнул:

— М-м... здорово, Светка.

И расплылся в улыбке, насколько разрешили увечья.

Как это раны пощадил уютные ямочки на щеках? Изволением каких частей мозга в битой-перебитой голове я, нынешняя, совместилась с детскими воспоминаниями? Непостижимо...

Ямочки волшебным образом возвращают ему утерянное в угарной, истошной жизни озорное мальчишество. Усмехаюсь:

— Привет, привет.

Надо же: лет в пятнадцать мы целовались в подъезде. Какой он тогда был чистый, насквозь видный, как ручеёк... А теперь мать стоялая...

Скоро мой образ в нём затянулся привычной полупрозрачной плёнкой. Какие-то нелёгкие надобности настойчиво позвали его прочь. Колышась, словно боясь упасть и навсегда рассыпаться, мозаичное существо поплыло в неведомую мне жизнь.

БОГОУГОДНОЕ ДЕЛО

Среди ночи в кухне жёстко щёлкнуло: сработала мышеловка. И стихло. Наверное, мышь погибла сразу.

Надо обязательно вытащить трупик, чтобы дочь утром не обнаружила беды. Пожалеет, расплачется...

Под раковиной поднялась возня, застучало, пискнуло.

Я включила лампу и заглянула. Меня встретили обезумевшие от боли и страха блестящие икринки чёрных глазок.

Под этим взглядом стало неловко за свои размеры. Должно быть, я затеняю ей сейчас не только свет, но и будущее...

Каково с пережатыми хвостом и лапкой смотреть на исполина, который может раздавить пальцем?

Точно то, наверное, представила серая пленница. Бешено забились, завыворачивались, себя не жалея, но и надеясь на какое-то чудо.

На какое? Выдерется и убежит? Пощажу?..

Вот ведь... Это ж мне теперь выбирать ей судьбу! Счастливый случай или трагическая оплошность?

Раз так, пусть будет счастливый случай.

Выношу мышеловку во двор. Пытаюсь быстро ослабить схлестнувшиеся рамки. Никак. Мёртво. Значит, терпи, страдальца, пока разберусь в механизме.

Вот оно что: жать следовало на пружину!

Едва рамки ослабли, зверёк шариком ртуты стёк под скамейку. И поминай как звали.

Сбеги человек, я бы, наверное, обиделась, что без "спасибо" осталась. А тут душе — лёгкое тепло: жизнь Божьей твари подарила.

СОЛНЦЕ И СОЛНЫШКО

Давным-давно было не так, как теперь: ночь не сменялась днём, осень с зимой не следовали за весной и летом. Всегда одно: тёплый день, потому что над землёй светили два Солнца. Вездесущие их лучи проникали в самые потаённые уголки дивной земной природы и в самые глубокие человеческие мысли. Люди жили в согласии с природой и друг с другом.

Вот надоело одному светилу лучиться без разбору.

— Надо бы поделить обязанности, — пробурчало недовольное Солнце своему товарищу.

— А что тут делить? — удивилось другое, щедрое и ласковое Солнышко. — Знай свети во все стороны.

— То-то, что во все стороны. Не нравится мне всё подряд освещать: радость и горе, улыбки и слёзы, удачи и ошибки. Я только красивое и доброе освещать буду.

На том и разошлись.

Поднялось ласковое Солнышко в небесную высь и засияло как раньше. А недовольное опустилось пониже достоинства высматривать. Увидит где доброе дело или красивое — сразу туда щедрый свет направляет, а где что неумелое да неказистое — туда ничего.

Заметили это люди, начали Солнцу себя с лучших сторон показывать. В очереди выстраивались, торговались, ссорились. Не каждый ведь согласится, что плоды труда или характер соседа лучше, чем свои.

Почему красота девушки освещается наравне с трудом изработавшегося горняка? Почему старая мать семерых детей получает свет наравне с черноусым молодым красавцем?

Тяжело недовольному светилу стало дела вершить, пришлось ночную тьму в помощь изготовить. Но она не помогла: нашлись ловкачи, которые ночью бесчинствовали, а днём за добродетели тепло и свет щедро получали. Все люди

ушли к Солнцу за лучшей долей. Только не на пользу им это было. Они становились жаднее, злее, хитрее.

Загоревало доброе Солнышко. Уговаривало своего товарища прекратить безобразия, хотело даже воевать с ним, но растения и животные умолили не делать этого. Им живительный свет ой как нужен, а от войны бед прибавится и ночная тьма расплзётся по земле. Что делать? Надо светить как раньше да ещё высвечивать разрастающееся зло, чтоб ярче виделось его уродство. Может, тогда сторониться его начнут.

Кто знает, чем бы дело кончилось, если бы люди не разучились понимать, что светло и свято, а что темно и непотребно. Далеко зашли они в своей жажде блага, стали уже не заслугами хвастаться, а думать, как Солнце принудить служить только им.

Однажды додумалась горстка людей Солнце украсть. Кинулись они на него из тьмы, схватили и поссорились, потому что каждый в свою пещеру норовил добычу утащить. Тянут каждый к себе, дерутся, ругаются. Так поистрепали, что оно свою лучистую силу потеряло, ослабло. И разодрали его лиходеи на мелкие части!

Остались куски в руках многих, только света и тепла давали мало. Решили люди их беречь изо всех сил, потому что тьма после гибели Солнца сразу полземли заняла. Холодно стало, страшно. Ютятся люди возле своих кусочков-костерочков, с тоской вспоминают, как им было хорошо, когда на небе два солнышка светили. Рады бы всё вернуть, да где теперь...

Вот собрались они однажды вместе и стали просить Солнышко всем светить как прежде.

Оно согласилось. Только его теперь на всю землю не хватало. Пришлось налаживать череду дней и ночей, лет и зим. Люди ссориться из-за этого не стали: пусть так, по ночам они спать будут, чтобы зла не творить. И холод научатся терпеть, чтобы теплу и свету больше радоваться ...

А Солнышко, как прежде, старается освещать хорошее и плохое. Хорошее — чтобы все его видели и радовались, а плохое — чтобы не повадно было.

КАПЕЛЬКИ

Никакой нет возможности старику Океану своих внучек-капелек приструнить. Хоть и любят они своего деда, но манит их ввысь горячими лучами Солнце.

Человек прячется от жары, а любознательным капелькам чем жарче, тем лучше, тем интереснее. Всё больше их от Океана сбежать стремится. В этом им любой ветер помощник: подхватит, в облачка совьёт и понесёт куда хочет. По дороге к ним другие путешественницы — речные, озёрные, морские — запрыгивают. Облако из-за этого синей тучей становится. Тут и время малышам отправляться на землю настаёт.

Падают вместе, дождём, а потом кто куда разбегаются.

Одна попала в бочку с дождевой водой во дворе какого-то дома. Другая — в почву липовой рощи и тут же была всосана живым насосом корней в трубочки — сосуды высокой липы. Погуляла по сосудам и сосудикам веток и испарилась с листовой ладошки обратно в небо.

Иные капельки сквозь пески попали в глубокие подземные озёра и реки. На тысячи лет они стали главным, чистейшим богатством земли, а потом

пробились хрустальными ключами да родниками и весело побежали в ближнее озерко.

Гранёными снежинками некоторые упали на горный ледник и сотни лет прессовались, склеивались с другими своими подружками: старшими — снизу, младшими — сверху. Толстый ледяной язык сползал, подтаивал с краю, освобождая пленниц. Они сливались в бурную, словно кипящую горную реку...

Любая капелька могла бы рассказать тысячу историй о своих путешествиях. Все они были бы разные. Только конец одинаков: так или иначе, скоро или не очень капельки всегда возвращаются в Океан.

За тысячу, сотню лет, за год, день они проходят всегда новый, увлекательный путь, прежде чем снова вернутся к дедушке Океану.

ТУЧИ

Маленькой Тучке лететь трудно. Над долиной ещё ничего, а над озером или морем невмоготу: оттуда запрыгивают в неё капельки воды — большие охотницы до путешествий. Бедняжка грузнеет, двигаться дальше не может. Если бы не ветер. Но и он — ненадёжный друг. Дотолкал до высоких гор, а перебраться через них не помог.

— Тяжёлая ты, — говорит.

Остановилась Тучка, посмотрела на гребни высокой гряды и заплакала: не перелететь ей через такую преграду.

Отрыдалась — полегчало. Попробовала взобраться повыше — получается!

Так и поднималась: то плачет, то ввысь летит. На самом верху рыдания получились особенные: из глаз снег посыпался. Прямо на белые, будто сахарные головы гор-гигантов.

Перевалила наша малышка через хребет, спустилась пониже и посмотрела на себя в горное озеро. "Что же, выгляжу неплохо. Пусть не синяя, а белая и не Тучка, а Облачко, всё равно милашка!"

От лёгкости до тяжести, от белизны до синевы не так уж и долго: пока со склонов летела, снова капелек набралась.

Ветер почему-то разозлился: дует, дует. Разогнал нашу путешественницу — не остановить.

Летит она, бедная, со всех ног, темнея и тяжелея. И всё бы ничего, только, откуда ни возмись, впереди синющая, почти чёрная, громадная Тучища выросла. Сердитая. Кричит:

— Куда несёшься?! Столкнёмся-а-а!

И её крик "а-а-а!!!" потонул в оглушительном громе: столкнулись-таки. Да ещё как: молнии из глаз, ну и, понятное дело, слёзы градом на долины и леса полились.

Люди это дело грозой называют. Одни ей рады, другие — нет...

Как гроза кончилась, подобрели обе.

— Ну, — сказала громадная нашей маленькой. — Иди, обниму тебя, дорогая!

Обнялись и стали одним большим белым Облаком. Только опять ненадолго. Тёплый озорной ветер раздул, разбил белую громаду на несколько поменьше и погнал их неведомо куда.

Посмотри им вслед: какое из них — наша бывшая Тучка? И не поймёшь...

ТЕНИ

Знаешь ли ты, как несчастны тени в солнечный день?

Невесомые лучи Солнца — самые тяжкие оковы, без жалости приковавшие их к хозяевам.

Кроткие и робкие, они никогда бы не позволили себе сделать то, что им приходится повторять за людьми: срубить дерево, вырвать цветок, бросить камень в бездомного пса.

О, сколько глупого, бездарного и суетного придётся им ещё совершить за долгий летний день! Поэтому тени не любят солнечного света, хотя благодаря ему приобретают ясные очертания, становятся похожими на своих хозяев...

Но приходит ночь, люди ложатся в постели, выключают лампы, а тени освобождаются от жестокого плена. Они радостно вскидывают руки и без оглядки выпархивают в окна, чтобы водить хороводы между звёзд, качаться на хвосте у ветра и целоваться с деревьями.

Внезапно проснувшись тихой летней ночью, ты думаешь, что слышишь сухой шорох листвы? Не думай: это — песня теней. Нежно обнявшись с деревьями, они поют о свободе, любви, о том, что одно не бывает без другого. В этой песне — пылкая благодарность ночи и тоска о том, что всё на Земле конечно...

С первыми лучами тени тают в вышине, как ночные облака, чтобы появиться у ног своих хозяев и молча страдать от несправедливости.

Молча можно страдать только от самой большой в мире несправедливости.

Что же может быть несправедливее отобранной свободы?..

ЛЕВ И БЛОХА

Молодой царь зверей брёл по саванне, опустив морду. А на высокой травинке раскачивалась бездомная блоха. Увидела льва, пищит:

— Привет, твоё величество! Ты чего грустный ходишь?

— Привет, козявка, — понуро отвечает хищник. — Друзей хотел найти. Не нашёл...

— Что так? Зверь ты видный, сильный. Знаться с тобой каждому выгодно.

— То-то и оно, что сильный. Все моих клыков боятся. Одни не хотят быть побеждёнными, другие — съеденными. Кому-то я соперник, кому-то — смерть. Не знаю, что и делать...

Почесалась блоха задней ножкой и важно говорит:

— Ежели тебе моё мнение надобно, я так скажу: глуп ты, братец, потому и друзей не нашёл.

Лев удивлённо вытаращил глаза, а та продолжает:

— Искать товарища надо не у тех, кому ты угроза, а у тех, кому с тобой делить нечего.

— Это где ж?

— Среди насекомых, например. Вот я. Ни соперница тебе, ни нахлебница: в схватке не пересилю, в обед не объём.

"И правда!" — подумал хищник. Говорит:

— Что же, давай дружить.

— Давай. Только мне за тобой не угнаться. Позволь на твоей спине жить. Вместе будем в счастье и горе, как товарищам подобает.

Лев разрешил.

Блоха влезла, обошла зверя с хвоста до носа. Понравилось. И зажила. Детишек вывела. Да не раз.

А царю зверей покоя не стало: знай чешись, выкусывай. Обозлился — не приведи Господи. Звери с ним ещё больше осторожничают. Только ему это теперь не беда. У него приятелей — полна грива.

Так что зарёкся знакомства сводить.

ОБ УМЕ

Как-то Змей Горыныч повстречал черепаху о трёх головах.

— Привет, — сказал он черепахе. — Ты кто?

— Рептилия... Черепаха, значит.

— А я кто?

— Не знаю. Может, тоже рептилия.

Она внимательно осмотрела гороподобную зелёную фигуру с зубчатым хвостом.

— Не-а! — хором обрадовался Змей. — Я больше тебя. И потом, я умный. Видишь, у меня целых три головы. Так-то.

И постучал себя по одной из голов.

— А я видишь какая умная? — с некоторым вызовом ответила ему черепаха и постучала по своему панцирю.

— Ха, — высокомерно хмыкнул Горыныч одной из голов и спросил второй: — Ты что мне показываешь-то?

— Панцирь, — невозмутимо ответила рептилия. — Защита.

— Ну во-от, — нравоучительно сказал Змей третьей головой. — А я тебе про головы говорю: у тебя — одна, а у меня — три! Я в три раза умнее. Кто же тебе сказал, что панцирь — признак ума?

— Ну во-от, — в тон ему ответила черепаха. — А кто тебе сказал, что голова — признак ума? Тем более три. Вдруг головы глупые? Значит, ты в три раза глупее меня.

Змей Горыныч почесал одну из голов и подумал одновременно всеми: "Правда, что ли?.."